

**Град Софии. Царьград и Святая София в
русском народном религиозном сознании
С. Дурьлин**

Посвящается Георгию Постникову.

Глава I

«Константинополь рано ли, поздно ли, – должен быть наш», писал Достоевский в 1876 году и повторял то же в 1877-ом, в начале войны: «Что бы там теперь ни случилось, – мир ли, вновь ли уступки со стороны России, но рано ли, поздно ли, а Царьград будет наш». Достоевский повторял и утверждал здесь лишь то, что задолго до него утверждали Тютчев, Хомяков, славянофилы, Потемкин, Екатерина II, – и что далее, вглубь веков, до Юрия Крижанича, до московских книжников, до монастырских старцев XVI века утверждали многие тысячи православных русских людей: Достоевского понял бы здесь псковский старец Филофей, живший в XVI веке, и более того: православного Достоевского здесь поняла бы вольнодумная Фелица XVIII века, Императрица Екатерина II, – тонкого дипломата и великого поэта Тютчева понял бы тут воспитанник иезуитов и первый наш славянофил Юрий Крижанич. Они все сошлись бы в одном: «Константинополь должен быть наш».

В этом ныне сходимся с ними, кажется, и все мы. Эту свою идею о русском Константинополе Достоевский, смелый и резкословный Достоевский, сам именовал в 1876 г. «утопическим пониманием истории». Какой огромный путь прошла Россия с 1876 г., если теперь эта идея диктуется, по справедливости, самым реалистическим, даже узко практическим пониманием истории.

Немного спустя после окончания войны 1877 г. и после указанных статей Достоевского, великий интеллигент и большой писатель, Тургенев, написал стихотворение в прозе «Деревня». Оно дает прекрасную картину довольства и тишины среднерусской сытой деревни, где пахнет свежеиспеченным хлебом, где холеные лошади лениво жуют золотой овес, где вместе с запахом дегтя золотым радушием веет от каждой избы, приветливо раскрывающей двери званому и незваному, где одна общая радушная улыбка на всех лицах – ребяческих, молодых и старых. Нарисовав чудесную картину русского деревенского праведного счастья и благосостояния, Тургенев закончил ее словами, выражающими не его личное только, но общее мнение русского передового общества за последние пятьдесят лет:

«О, довольство, покой, избыток русской вольной деревни! О, тишь и благодать! И думается мне: к чему нам тут и крест на куполе св. Софии в Царьграде, и все, чего так добиваемся мы, городские люди».

Мы теперь знаем, что обеспечение «довольства и покоя русской

деревни», близких сердцу Тургенева и русской интеллигенции, оказывается, вопреки Тургеневу и русской интеллигенции, не возможно без осуществления утопии Достоевского, против которого явно направлены Тургеневские строки, – без креста на св. Софии. Идея необходимости русского Константинополя воспринята, наконец, русской интеллигенцией по соображениям интересов русского хлебного экспорта и русского южного сельского хозяйства. Константинополь должен быть наш, потому что нам нужно свободно провозить мимо него наш хлеб.

И точно предчувствуя возможность такого, хотя по существу и совершенно бесспорного, но ложного в своей единственности и исключительности аргумента в защиту русского обладания Константинополем, тот же Достоевский писал:

«Да, он должен быть наш не с одной точки зрения знаменитого порта, пролива; не с точки зрения давно признанной необходимости такому огромному великану, как Россия, выйти, наконец, из запертой своей комнаты, в которой он уже дорос до потолка, на простор,дохнуть вольным воздухом морей и океанов».

И далее он пытался указать, на какую всемирно-историческую потребу нужен Царьград России, какой религиозный и тем самым всемирно-исторический смысл может быть заключен в обладании России Константинополем.

Нет никакого особого вопроса о Константинополе, если подойти к нему с одной экспортной точки зрения, потому что для этой точки зрения нет вовсе и Константинополя. Константинополь для нее – лишь огромный город, лежаний, по случайности, как раз на том месте, мимо которого нужно везти русский хлеб; совсем не важно, какой это город: Константинополь, Смирна, Александрия, Генуя, Гавр, Ливерпуль, – это все произвольные возможные числа для того, не меняющегося в своем значении икса, который называется: огромный город при узком проливе; Константинополь мог бы быть заменен Ливерпулем, – вопрос не изменился бы, – был бы по-прежнему вопросом о нужном громадном городе, запирающем нужную дорогу для хлеба, плывущего на юг. Совсем другое дело, если, обсуждая вопрос о Константинополе, обсуждать вопросы именно о Константинополе, а не просто об огромном городе X: тогда экспортная точка зрения, а также и схожая с нею исключительно стратегическая, заранее осужденная Достоевским, отпадает сама собой, повторяю, нисколько не лишаясь своей относительной и очень большой ценности.

Константинополь – второй Рим и, подобно первому, он обладает

своей жизнью в веках, своим внутренним бытием, своей тайной, своей трагедией, – и в этом смысле он Вечный город, – и тот, кто подходит к нему не в качестве только хлебного экспортера, торговца или стратега, тот, неминуемо, лицом к лицу сталкивается с вечными же вопросами, рождаемыми вечным городом. Когда-то великий христианский поэт, тайнозритель и глубинный мыслитель, св. Андрей Критский, автор «Покаянного канона», сказал о нем: «Во истину град сей выше слова и разума есть», ибо этот град – город, усложнивший идею вселенского города Рима идеей христианского взыскуемого Града, ибо это – город, впервые в страшной и роковой близости поставивший лицом к лицу Запад и Восток, ибо это – город, испытавший уже на себе день гнева Божия, как бы присутствовавший уже заранее на страшном суде народов, царств и городов, ибо это – город величайшей славы и величайшего позора, город бывший и остающийся одновременно святым городом и для христиан и для магометан, – ибо этот город есть Град святой Софии.

Урок тому, как должно нам подходить к проблеме Царьграда, дает нам религиозное сознание русского народа, истоками и чистыми водами которого питаемся все мы, не замечая этого порою и почти всегда недостаточно это ценя. Мы жаждем и надеемся войти в русский Константинополь, уповаем молиться в православной Софии, – что же мы найдем себе там и что принесем туда?

Как же не вспомнить нам теперь тех, кто молился в Софии православной и пламенел тоской и надеждою о судьбах ее и града ее, – кто присутствовал при славе ее и при страшном суде над нею, – о наших русских паломниках, о людях православного подвига и сознания, связывавших судьбы своей страны с судьбами великого храма и великого Имени, в кое наречен этот храм? Вселенская мысль русского народа и православное бытие его немногословно и смиренно раскрываются в этих кратких сказаниях и поведаниях, и, быть может, это наше русское прошлое во многом окажется ближе к будущему, чем наше настоящее. – Пусть же все дальнейшее будет некоторыми первоначальными пролегоменами к возможному нашему религиозному пониманию Царьграда и его храма, пролегоменами, почерпнутыми исключительно из народного религиозного опыта и сознания, и не претендующими ни на какую степень окончательности доказательности, и обязательности. Они говорят лишь: так было и, нисколько не пытаясь сказать, как будет, отваживаются лишь прибавить к утверждению: так было – личное утверждение автора: хорошо, что так было, потому что так бывшее было хорошо. Эпиграфом же к предлагаемым «Пролегоменам к нашему

возможному религиозному пониманию Царьграда и его храма» должны быть уже приведенные мудрые слова св. Андрея Критского:
«Во-истину град сей выше слова и разума есть».

Глава II

Сношения русского народа с Византией, начавшиеся в глубокой древности, насчитывают много веков своей истории, и более шести веков отношения эти были отношениями двух христианских народов – старшего и младшего, крестного отца и крестового сына. Эти сношения отражены в многочисленных словесных и вещественных памятниках различного рода и разнообразного происхождения, но все они объединены одной чертой: летописец, заносивший, «не мудрствуя лукаво», в свой свиток свою замету о греческом лукавстве и хитрости и нисколько не таивший своего наблюдения над реальной Византией, оплакивает падение Византии, как гибель и позор места святого. Народ мыслит в согласии с летописцем. Святой город – и не святые люди, святой Рим второй – и вторые римляне, напоминающие первых времен упадка. Недостатки и грехи крестного отца были ведомы и не было нужды и воли их скрывать, но крестный отец крестил, он надел крест на шею, он держал крестника при купели, он привел к святому месту, – и он возлюблен ради этого святого места, он чтим, поскольку ему вверено это место. Великий город чтился Русью за незримый Град, открытый для Руси выходцами из этого города, второй Рим почитался ради небесного Иерусалима, крепость стен Влахерна – за то, что открыла крепость оград небесных. Паломничества русских в Царьград начались сейчас же после крещения Руси, и паломничество в Царьград было равноценно паломничеству в Иерусалим, греческая святыня стала для новокрещеной Руси русской святыней, – вселенской святыней. Византия святого града святой Софии, Византия Влахернского храма и Студийского монастыря, голубые волны Босфора, лелеявшие погружаемую в них ризу Богоматери, Византия – хранительница величайших христианских святынь, наследница вселенского предания, опора православия, живой источник православного сознания и опыта – вошла в сознание, мысль, волю, чувство Руси. Подобно невидимому граду Китежу, народ хранит в себе невидимую Византию, вождедея поклониться святыням и храмам видимого Царьграда. Ее судьбы, обетования, слава, казнь и ее будущее были предметом глубокого народного размышления и раздумья, и он оставил нам большой круг своего мышления и чувствования и о Византии в летописных поведаниях, в повестях и сказаниях, в памятниках апокрифической литературы, в житиях, паломнических хождениях, преданиях и духовных стихах. Около Византии накопились бесценные залежи народной мысли религиозной, поэтической, историко-

философской, моралистической, даже эстетической. По поводу Византии созданы народом целые проекции мировой истории, целые теории исторического процесса, – так называли бы мы ныне многие отделы и части древнерусской литературы о Византии. Но безмерно важнее, что от Византии взято было Русью великое мистическое и религиозное наследство – православие, – и мысля о давней дар, народ больше всего мыслит о самом даре: поведатель о святынях Царьграда, мощах и иконах, благочестивый паломник, боявшийся всякого богословствования, на самом деле поведывал неприметно для себя о тайне тайн православия, о самом сокровенном и последнем в нем.

Но он поведывал, а не излагал, он рассказывал, а не измышлял некое отвлечение, он был поэт, историк, географ, художник, иногда даже сказочник, всегда – дитя, а не богослов и не догматик, и сама Византия жила в нем больше, как великий образ, чем как великая идея; народ создавал о св. Софии, о Царьграде свою православную «Божественную комедию», а не *Summa Theologiae*, народ был Данте, а не Фома Аквинат. Как легко археологу, историку и богослову не поверить ему и упразднить его правду! Но должен ли сделать это археолог, историк и богослов? И не пострадают ли от этого они все, и богослов больше всех?

Даже если бы все это народное образо-мышление и образ-представление о Софии и Царьграде было только легендой, то и тогда следует помнить глубокую защиту легенды, как познавательного источника, сделанную замечательным нашим богословом: «Народные легенды нередко «искажают» историческую фактичность в пользу высшей правды и осмысленности повествований». «Легенда не ошибается, как ошибаются историки, ибо легенда – это очищенная в горниле времени от всего случайного, просветленная художественно до идеи, возведенная в тип сама действительность». «Легенда – живое предание, почти всегда более истинное, чем то, что мы называем историей», – по слову Авг. Тьерри. Легенда – это и есть история по преимуществу, ибо «поэзия ближе к философии и содержательнее, нежели история», как засвидетельствовал и трезвеннейший из философов, отец современной науки, Аристотель»¹.

Народ не высказывал своего «Верую», в форме догматически кристаллизованного исповедания; он, правомерно повторяя его про себя, умеет рассказать о нем только образом, примером, сравнением. Народ – как бы вечный иконописец: свою молитву, веру и исповедание он выражает в красках и линиях своего предания и сказания; он не мыслит образом, но образ и есть самое его мышление: мыслить для него значит вообразить, творить образ; о Богородице у иконописца нет никакой

мысли, обладающей бытием в отдельности, бытием, как мысли, у него есть икона о ней. Так и у народа. Когда-то он создал слово и язык, создавая мысль, в единое мгновение, нераздельно и неслиянно, впоследствии он создал, образомы́сля, продукты этого образомышления – предание, сказание, поведание, и отнестись с недоверием к ним значит то же, что не поверить иконе иконописца, не уметь прочесть их значит то же, что не уметь прочесть икону Андрея Рублева или фреску Джотто. От такого неумения и недоверия страдаем мы сами и беднеем, ибо у нас нет иных путей узнать ни Рублева, ни Джотто, ни народа: они не хотели, для нашего облегчения, писать комментарий на себя или длинных сочинений о себе.

Русское народное религиозное сознание о Софии и Царьграде есть русский народный образ Софии и Царьграда.

Глава III

Константинополь – Βασιλῆς πόλις, βασιλεύουσα πόλις, ἄνασσα πόλις, Regia urbs, urbium Regina, Царствующий град, Великий град, Царьград. Эти названия – греческие, латинские и русские вытеснили первоначальное Константиново название – Δευτέρα Ῥώμη, Νέα Ῥώμη – Второй Рим, Новый Рим, но это имя стало звучать, как наследственное имя царствующей династии вселенских городов: был Божию милостью Рим I – и умер, стал Божию милостью Рим II.

Нищая Русь не загляделась на порфиру и виссон второго миродержца: Римской Империей Второй – как империей, порфирой – как порфирой, Русь не была никогда зачарована. Второй Рим был для нее двулик: как Рим, наследник первого италийского Рима, второй Рим был великая империя, новый orbis Romanus, царство оглавленное именем силы: ибо греческое Ῥώμη и значит сила, – и об людях этого царства Русь мыслила словами преподобного Нестора: «греци хитры даже до сего дня», она исчисляла исторические грехи этого царства, она знала летопись его позора и блуда так же хорошо, как и сказания его славы и подвига. Наши паломники и авторы хождений, пребывая в самом средоточии этого царства, как бы не замечают его: из-за Христа–Пантократора не хотят видеть державца–базилевса. Следов сношений с этим царством от мира сего, с Imperium Romanum, нужно искать в грамотах и договорах, полных осторожных и цепких усилий отстоять выгоды Руси и противостоять «греческой хитрости». Скучная Русь могла дивиться богатству и великолепию Византии, но она помнила видение Даниила о злато-серебряном кумире на глиняных ногах. Исследователь византийского эпоса в его отражении в древнерусской письменности, академик Жданов, делает следующий вывод из своего труда: «Можно ли думать, что среди русских людей откроется какое-то особое увлечение византийскими идеалами как раз в то время, когда государственный строй, их воплощавший, терпел крушение, когда византийскому царству пришлось выслушать суровый исторический приговор? Наши предки долго и пристально наблюдали процесс медленного умирания Византии. Это наблюдение могло давать уроки отрицательного значения, а не вызывать на подражание, могло возбуждать отвращение, а не увлечение»². Падение Византии и гибель царства рассматривалось русскими писателями XV–XVI вв. и мыслилось русским народным религиозным сознанием не как случайность, а как неизбежное следствие истории Византии – царства.

Считая себя преемницей Византии, древняя Русь знала, в чем хочет она быть преемницей, какое наследство принять и от какого отказаться. Третий Рим вовсе не желал повторить историю и судьбу Второго.

Второй лик Второго Рима и был для древней Руси единственно возлюбленным, единственно желанным и утверждаемым. Этот лик был именно то, чем Второй Рим отличался от Первого и чем Третий Рим не хотел отличаться от Второго: не римское государство, не рах Романа, не миродержство, не юридическое устройство и законотворчество, а вера, исповедание, догмат, огромное богатство религиозного опыта и сознания, – вот что любила во Втором Риме и принимала в наследие древняя Русь, – Второй Рим во храме, в монастыре, в пустыне, а не в палатах базилики, в зале претора или на трибунах ипподрома; – Второй Рим, молящийся в св. Софии, создающей устав иноческого жития в монастыре, проходящий подвиги безмолвия и умного делания в пустыне, а не Второй Рим, правящий народами, увеселяющийся конскими ристаниями. Этот второй Второй Рим не имел конца, он вечен, его не ждет страшный гнев истории, он не может быть истреблен варварами, подобно Первому Риму, завоеван агарянами, подобно Второму, это Urbs aeterna, Вечный город, с Вечным Басилевсом – Христом, это о нем, вместе с преподобным Андреем, воскликнула Русь: «Во-истину град сей выше слова и разума есть»; но все слово и разум древней Руси только об этом граде.

«Се аз недостойный, многогрешный Антоней, архиепископ Новгородский, Божиим милосердием и помощью святыя Софии, иже глаголется Премудрость, присносущное Слово, приидохом во Царьград, преже поклонихомся святой Софии».³ Так, как приходил архиепископ Антоний в Царьград, приходила к видимым или невидимым его стенам вся Русь; и в этом приходе чувствуется трепет Моисея, разуваящего ноги свои перед огненной Купиной. Царьград был второй Иерусалим, святое место, не перестающее быть святым даже тогда, когда попирается ногами недостойными, ибо древо православия было посажено здесь и разрослось здесь преимущественно перед всем миром; отсюда пошли его ростки, выросшие там и тут, на юг и на восток, в новые ветви, и если несправедливым владельцам принадлежало место, где выросло дерево, то садовники, ухаживавшие за деревом, были праведны и святы: учителя церкви, подвижники, мистики, мыслители православия, создатели храмов и монастырей, творцы икон и песнопений. Вселенский корень православия глубоко уходит в землю византийскую – и это утверждение и чувство древней Руси неистребимо никакими

противоутверждениями и противочувствованиями. Царьград был некоторым огромным храмом, в котором алтарем была св. София, и потому он почитался древней Русью, как храм, ибо для нее и самое христианство было, без сравнения больше, чем на Западе, связано с храмом. Западные народы были обращены в христианство проповедью, долгим убеждением, длительным веронаставлением; им правота и высота христианства была указана, проповедана, доказана; их убедили в христианстве, христианство начиналось с перевода библии, с священной книги. У нас оно началось с храма, с священной жизни; простодушные послы князя Владимира преуказали всю судьбу русского христианства. Они были введены во храм, как в некий Божественный мир, бесконечно отличный от того мира, который они знали. Это ощущение нового бытия и иного мира превосходно выражено в летописной передаче слов Владимировых послов: «Не вемы, на небе ли есмы или на земли: несть бо на земли такого вида, ни красоты такая; токмо то вемы, яко онъде Бог с человеки пребывает... мы убо не можем забыти красоты тоя.» Послам Владимировым была не доказана, а как бы показана ноуменальная сторона бытия: они не признали, а увидали мир Божественного бытия. В этом смысле, в обращении западных народов больше действовала Божественная сила Логоса, в обращении русских – сила Софии, Премудрости Божией. Если существо Софии есть истинная тварь, Богопромысленная, чистая, святая, всецело вмещенная в памяти Божией и через то освященная⁴, то Софийский храм, посвященный Премудрости, приоткрыл пред искавшими правой веры послами русского князя этот мир горний, показав им край этого мира, утвержденный и вечно приоткрываемый в богослужении. Мы, русские, к крещению были подвигнуты не Божественною логикой, неотступно призвавшей наш всенародный разум к новому и высшему разумению, но Божественное действие, богослужение, обращенное одинаково и к разуму, и к чувству, и к воле, обратило нас к действию же – крещению: к Церкви были приведены Церковью, к пребыванию в св. Софии, как Церкви, пребыванием в Церкви – в Царьградской Софии.

Весь Царьград вместился для древней Руси – в Софию: Царьград существует, пока София существует. Это воззрение стало столь русским, столь вошло в народное религиозное сознание, что древняя Русь стала так же мыслить и о себе: «Къде св. София, ту Новгород»; условием бытия града является бытие храма, но бытие храма есть, конечно, бытие Того, в Чье имя сооружен храм. Древняя Русь могла бы повторить про себя великое новгородское речение: «Къде св. София, ту Русь»: быть – значит быть там, где св. София: истинное бытие есть София, есть Церковь.

Глава IV

Одним из любимых памятников древнерусской письменности является «Сказание о св. Софии Цареградской»⁵; оно дошло до нас во многих списках, древнейшим из которых является список XIV в. В византийской литературе цикл «сказаний» о создании св. Софии сложился еще в IX в., т.-е. через три века после построения Юстинианова храма, а в X в., эти сказания перешли и в славянскую письменность. Создание Софии – по смыслу «сказания» – есть осуществление Божественного промысла. Константин Великий, основав город и поручив его покровительству Богоматери, воздвиг три храма: в честь Премудрости – ‘Н ἁγία Σοφία, Мира – ‘Н ἁγία Εἰρήνη и Силы – ‘Н ἁγία Δύναμις; христианское сознание впоследствии восприняло их, как храмы св. Софии, св. Ирины и св. Сил небесных. Мысль Константина была иная, близкая к старо-римской мысли о пантеоне, о государственной равночестности всех богов; эта мысль скрывается еще в замысле Константина: построить храмы, которые стояли бы на меже посреди христианства и язычества, в которых одни могли бы молиться Премудрости Христа, другие – вообще Премудрости, возводя ее почитание к древнегреческим почитаниям; одни поклоняться Миру, как Христу, другие – как древней богине или как олицетворенному понятию. Идея таких храмов есть приспособление идеи пантеона к возрастанию христианства, есть Рим Второй, учащийся властительству над народами у Рима Первого. Первый Рим собирал человечество юридически, государственно, пространственно; собирая народы, он собирал богов или демонов этих народов. Человечество училось безбожному единству, понимаемому, как не преодоленная множественность, собранная в единицу: человечество представляло из себя бесконечный ряд, произвольно приведенный к одной единице, – феноменальному единству коллектива, подчиненного одному государству и праву, не соответствовало никакого ноуменального единства. Это и было выражено в идее пантеона: один храм для всех богов, но с отсутствием общей молитвы для всех и с бесчисленными отдельными молитвами: человечество собралось в одном храме, чтобы молиться разным богам; единство храма было лишь внешним единством здания.

Христианство объявило всех богов, кроме Единого, демонами, и этим разрушило пантеон, истребило возможность количественного объединения человечества, языческого государственного универсализма, – вновь раздробило человечество феноменалистически, чтобы научить

совпадению и соединению в ноуменальном, в Софии, в Церкви. «Римское единство» было лжеединство, созданное принудительным объединением, предписанным скудной силой человеческого разума – государством и правом; новое единство христианское должно было быть единством свободного совпадения в Софии, в причастности единому началу истинного бытия в Боге, которое возможно только через Церковь и в Церкви, как в Софии. Поэтому стал возможен только один храм одному Богу, и храм не «неведомому богу», не неким божественным иксам со значениями христианскими и языческими, подобно Константиновым Премудрости, Миру и Силе, – но ведомому Богу, ведомо чтимому и исповедуемому ведомыми догматами, учениями и обрядами.

Юстиниан, вновь созидавая Софию, строил храм, в которой человечество могло прийти только церковно. Он посвятил его так же, как и Константин, Софии, но если София Константина была одним из храмов на меже между язычеством и христианством, храмом для христиан столько же, сколько и для язычников, храмом Богу ведомому столько же, сколько неведомому, то София Юстиниана была иной Софией – Воплотившегося Слова, ведомого Богочеловека и грядущего богочеловечества, как Церкви, как Софии. «Сказание о св. Софии» с необыкновенной глубиной вскрывает это различие двух храмов двух Софий. Вновь созидавая храм, Юстиниан не знал, кому его посвятить; он уже начал строить храм, не имея еще того «во-имя», которому храм будет посвящен: повторить же посвящение старого Константинова храма – христиано-языческой Софии – он не хотел. И, по сказанию, так случилось наречение имени строящемуся храму: «Повелел стратиг храма всем строителям и ремесленникам итти на обед. Первый зодчий Игнатий оставил своего сына на лесах, на правой стороне, чтобы хранить строительные инструменты. И когда отрок сидел там, явился ему некий юноша, одетый в светлые одежды, прекрасный лицом, как бы пришедший из палат царских, и сказал отроку: «Чего ради не оканчивают дела Божия делающие его, но, оставив его, отошли обедать?» Отрок же сказал ему: «Господин мой, они скоро придут». Сказал юноша: «Пойди, скажи им, ибо я ревную об исполнении дела». Отрок же противился этому, не зная, как оставить инструменты, чтобы не пропали они. Но тот сказал ему: «Иди скорей и скажи им: пусть скорей придут, и я клянусь тебе, дитя, – так велено мне святою Софией, которая есть Слово Божие, ныне здесь созидаемая, – что не уйду отсюда, пока не возвратишься ты; ибо здесь повелено мне от Слова Божия пребывать и хранить». Услышав это, отрок скоро пошел к отцу своему и к прочим строителям, оставив там ангела

Господня, хранящего строение. И услышав сие от отрока, царь созвал всех юношей своих и показал ему каждого из них, говоря: «Не этот ли – или не сей ли говорил тебе?» Отрок же сказал, что не единственный из них не похож на того юношу, ибо тот облачен в белыя одежды. И сказал отрок: «от одежд его исходит огонь». Царь же, разумев, что то был ангел Божий, прославил Бога и радовался несказанною радостью, что Бог благоизволил на дело его, и более всего радовался тому, что узнал нареченное имя для церкви, ибо прежде того испытал немалую печаль, не зная, как наречь церковь. От того же времени он принял сие наречение для церкви – да именуется Святая София, Слово Божие, нареченное ангелом Господним», И чтобы ангел Хранитель Софии, не покинул храма и вечно охранял его, отроку велено было никогда не возвращаться на место постройки. Ангел остался стражем Софии. Так была создана новая София. Место, где явился ангел отроку, было по сказанию, «на правой стороне храма»: оно глубоко чтилось, как великая святыня Св. Софии. «У алтаря великаго, – рассказывает архиепископ Антоний, – место, идеже глаголаше ангел Господень ко отроцищу: «не иду от места сего, дондеже стоит Святая София». На том же месте три иконы поставлены, а на них написано три ангела; и множество ту народа Бога молят». Повесть о наречении Св. Софии вошла в службу и канон Св. Софии, Премудрости Божией, стала частью богослужения, и донныне в Софийских храмах Новгорода, Киева и Москвы поется в дни Св. Софии в ирмосе: «София, Премудрость Божия именуемая, самим Господем нареченная, царю Юстиниану в создании чуднаго храма ангелом откровенная»⁶. Ангел Церкви, хранящий Церковь, стал источником наших русских изображений Софии, как огнеликого Ангела, восседающего на царском троне: от ангела, по словам сказания, «яко огню исходити».

Смысл этого церковного и всенародного прославления явления ангела, принесшего имя храму, только в одном, но бесконечно важном: идея Софии, смутно маячившая в сознании эллинизма, создавшая великий и страшный гностический искусс Востока, пытавшаяся раствориться в ложном единстве римского человечества, вошла в храм Христов, чтоб никогда уже оттуда не выйти. Храмовым праздником константинопольской Софии был, по-видимому, день Рождества Христова, но вместе с тем там же по преимуществу чтилась Богоматерь, Покровительница и Вратарница Царьграда. Праздновать Софии отныне стало возможным только празднуя Богочеловеку, Сыну Божию, и Богоматери; праздновать Софии стало возможно только в Церкви, и через Церковь, ибо София – чистая тварь и чистое человечество – всецело

обнимаются новым последним единством – Церковью. Это воцерковление Софии, облачение ее во Христа и облачение ее в покров Богоматери, было отмечено в древней Византии и осознано русским народным религиозным сознанием, как великий праздник, как основа новой жизни человечества. Вот почему и церковное предание, и богослужение, и народная вера и мысль, и, наконец, величайшее создание искусства одинаково отметили это событие вечной памятью. Но эта величайшая идея – всечеловеческой и вселенской собранности в Софии, облеченной во Христа и освященной через Богоматерь, идея Церкви, как невесты Божией, была реализована в каждом своде, в каждом кирпиче Софийского храма, так же, как в каждом слове богослужебном, в каждой святой достопамятности великого собора.

Глава V

Св. София Царьградская должна была быть образом истинного бытия, всецело включенного в память Божию и потому чуждого истления и не подвластного греху, как водителю к небытию, к выпадению из памяти Божьей, – Св. София Цареградская должна была быть образом Софии Вселенской.

И она была таким образом и подобием. Русский паломник Стефан Новгородец, попытавшись дать описание св. Софии, восклицает в страхе и вере: «О Святой Софии, Премудрости Божией, ум человек не может ни сказати ни вычести»⁷. О какой Софии говорит паломник? о храме или о Той, в чье имя храм? Нельзя провести черты, разделяющей одну Софию от другой: образ бытия так полно и верно включил в себя это самое бытие, что стал неотделим от самого бытия.

Земной корень Софии не был утаен в ее храме. Сама стихия земли и воды пребывала в храме Софии. «Имать же св. София множество кладязей с сладкими водами», рассказывает Стефан Новгородец; эти источники воды, чистые родники и ключи, били в самом храме, журчали даже в его стенах и промеж стен, сливая свой чистый рокот с церковным пением.

Купол храма изображал свод небесный и, как небо, был всюду над людьми, молившимися в храме, обнимая их с широтой и голубою глубиной неба.

Храм включал в себя все, что из вселенской мысли и дел человеческих включено было Христом в Богочеловечество. Человечество дало храму все, что дало Богу.

«Во святой Софеи сохранени быша скрижали Моисеова закона»; в других Царьградских храмах, служивших как бы приделами Св. Софии, почивали мощи древних еврейских пророков Исаии и Даниила. За одним из богослужений Софийского храма «дары Господня понесут много попов и диаконов; тогда бывает плач и умиление и смирение велико от всего народа. Как же ли тогда страх и смирение и умиление епископи и попове и дьякони имеют в той честной службе!» Поскольку иудейство в богочеловечестве, оно исчерпано тем, что взято от него в Софийский храм: вечное и вселенское в иудейской религии – закон и пророки – растворено здесь в Церкви и оцерковлено. «И как понесут светозарный Иерусалим и рипиди, и тогда воздыхание и плач бывает людям о гресех».

Исполненная до конца правда Софийского храма приведет к тому, что «молитвами святой Софеи, Премудрости Божией, приведет Бог поганые

жидове во крещение».

В основание стен Софии были заложены многие мощи святых. По народному убеждению в Софии было 365 приделов в честь всех святых каждого дня, т.-е. в честь всей Церкви: святые, навсегда живущие в памяти Божией, живут в Церкви, в памяти человечества. Русский паломник мог молиться и на икону Бориса и Глеба, хранившуюся в Софии. Церковь делает память человеческую причастной памяти Божией: она творит единство во Христе, которое есть София.

Это единство бытия живо единством действия, вечно обновляемого освящения храма Духом Святым: жизнь храма – литургия. В том тайна Царьградской Софии, что ни один храм в мире при соиздании своем не был так близок к идее литургии, как София. Этому причина – великая и таинственная связь идеи литургии с идеей Софии, которую возможно обнаружить лишь в опыте и действии, а не в разуме и слове. София есть чистое бытие твари в памяти Божией, есть первозданная и к первозданию возвращающая тварь, есть человечество и природа, просиявшая через Христа, как Церковь; инобытие это раскрывается на земле в праведниках, живущих на земле жизнью Софийной, первозданной, а не смертно-греховной; инобытие это утверждается и лучезарно сияет бытием Богоматери. Литургия есть земной образ этого инобытия и вместе с тем она есть образ истинного действия твари, освобожденного от греха, есть осуществление жизни земной, как небесной, есть предъизображение «нового неба и новой земли, в них же правда живет» (2Петр. 3:13), иначе говоря, литургия есть Софийная действительность на земле; литургия – в евхаристии, в претворении хлеба и вина в тело и кровь Господню – дает уже не образ даже, а самое существо инобытия, ставит человека не в зеркале и гадании, но лицом к лицу с миром горним. Литургия и участие в ней священнослужителя и мирянина есть целокупность возможного для твари бытия и жизни. Но София и есть вселенская всеполнота бытия твари в Боге. Евхаристия есть свободнейшая возможность для человека войти в таинство бытия, т.-е. обрести самое бытие, не ограничиваемое и не затмеваемое быванием. Такое бытие есть бытие в Софии, как в «таинстве смотрения Божия» (канон Софии).

Подходя к литургии извне, ее должно определить, как проекцию мира в Софийное бытие, проекцию человечества и твари в Церковь, как объективное и вместе активное оказательство инобытия, иного существования твари, основанного на иной космологии и антропологии, на благодати, а не на греховности, на свободе, а не на необходимости. Изнутри же, в опытном переживании молящегося и ее совершающего,

литургия есть уже пребывание в этом инобытии, а не только оказательство его. Извне – это действительность, представляемая, как София; изнутри – это София, переживаемая, как действительность.

Но литургия же есть и бесконечное приближение к Логосу – к Христу. В литургии яснее и открывается глубокая таинственность самого посвящения Царьградского храма: «Софии Премудрости Слову Божию» – Божественной Софии и Божественному Логосу. Таинственное воплощение Слова – «Слово плоть бысть и вселися в ны» (Иоан. 1:14) – совершившееся во времени, бесконечно переживается в евхаристии, которая и есть возможное для человека опытное постижение таинственного, непрестанно осуществляемого и вечно совершающегося «плоть бысть и вселися в ны»; вселение же Христа в человека, как верховного предстоятеля всей твари, воспринимается изнутри человеком, как вселение в Христа, пребывание в инобытии.

Начаток горняго мира, София возжигает в людях пламень любви благодарящей и обращенной на нее, как Таинницу Христа, Утешительницу твари стенающей, предрекающую Утешителя, ибо – как молимся в каноне св. Софии: – «Зело любима есть премудрость Божия, еже есть смотрения таинство всем человеком, ей же ничтоже точно есть под небесем, да сохраняем ту, яко зеницу ока, и покойт нас в день судный».

Глава VI

Повествует архиепископ Антоний:

«Поклонихомся святой Софии и Пресвятаго Гроба Господня две досце целовахом и печати гробныя, и икону Пресвятыя Богородицы, держащую Христа, в того Христа жидовин ударил ножом в гортань и изошла кровь, а кровь же Господню, изшедшую из иконы, целовали есмь в алтари малом, и пелены Христовы, и дароносивыя сосуды златы, иже принесоша Христу в дары волсви; и ту же есть камень мраморян, издолблен аки кадь, кладязя самарянска, у него же глаголал Христос к самаряныни: дай же ми воды питии»...

«Во царских златых палатах, – сообщает тот же паломник, – крест честный, венец, губа, гвозди, багряница, копие, трость, повой Святыя Богородицы и пояс, и срачица Господня, плат шейный, и лентий, и калиги Господня,⁸ и убрус, на немже образ Христов, и лоханя мраморяна, в ней же Христос умыл нозе учеником». В ином храме хранилась доска погребальная Христа, а на ней следы слез Богородицы, «которая плакала, осязавши тело Сына Своего и Бога, и шли слезы ея на доску ту и суть белы видением, аки капли вощанья».

Никогда в христианской истории не было собрано в одном месте столько святынь, связанных с пребыванием Христа на земле, как в Царьграде и Софии; это был второй Иерусалим, вторая Святая Земля, но включенная вся, всецело, в один город, в один храм, и земля живая, не по воспоминаниям только, а потому, что она находится в непрестанном таинственном общении с Христом, ежедневно в евхаристии нисходящим на землю и как бы вновь проходящим по земле. Это был новый и величайший образ Софийного бытия земли и человечества, ибо они пребывали в непрестанном действенном общении с Сыном Божиим и самою Премудростью. Литургия совершалась здесь не на крови мучеников, но на крови Единственного Мученика – Сына Божия. Нам трудно, почти невозможно представить себе тот страх и горный восторг молитвы и служения в храме Софии, который испытывали бывшие в нем, как будто они – священнослужители и миряне – служили и молились в видимом присутствии Самого Сына Божия. Архиепископ Антоний вспоминает так об одной из служб в Софии: «тогда воздыхание и плач бывает людем о гресех. Кий ум и какова душа, иже не помянет тогда о царствии небеснем и о жизни безконечной! И в каковой же ли чти и во смирении патриарх службу совершает! Се же, братие, поминающе,

поревнуем таковой службе быти со страхом».

Византия создала изображение Тайной вечери, как Евхаристии, и не знала иного изображения; подобно ей, не знала иного изображения и древняя Русь. На горнем месте св. Софии было изображение Евхаристии. В стенах Софии, по древнейшему преданию, были заключены 12 хлебов, бывших при тайной вечери, коими вечерял Христос с апостолами: храм – образ тела Господня, образ Церкви – был построен на теле Господнем.

В главном алтаре Софии стояла «трапеза, на ней же Христос вечерял со ученики своими в Великий четверток».

София – храм стала вершиной, на которую вошли человечество и природа, приближаясь к небу, в возможном пределе этого приближения: ближе быть уже нельзя, ближе уже – мир горний. Она как бы собрала вселенскую молитву всей твари и всего человечества, чтобы вознести ее близкому Богу. Если литургия есть повторимое и вечно совершающееся таинство Богонисхождения в человечество и природу и вместе с тем таинство человека – и природо-восхождения к Богу и в горнее, то литургия и все, что привело к ее созданию, – от хлеба, взятого рукою Христа в Иерусалиме, от трапезы, за которой совершилось первое таинство евхаристии, до крови Христа, впервые преобразованной из тварного вина, – все есть первое и последнее вместе, что дано человечеству: евхаристия есть вершина человеческой истории, космологии и антропологии. Небо низошло на землю только единожды в земной истории – в явлении Христа, но наибольшая теснота и близость этого нисхождения есть Тайная вечеря и ее вечное бытие и возобновление – Евхаристия. Поэтому святыней святынь человеческих и вселенских, тем внешним образом, в котором заключено все и вне которого – ничто, должна быть и была чаша Христова – потир Тайной вечери.

На западе сказание о св. Грале, о чаше, служившей Христу при Тайной вечери, прошло мимо Церкви и скоро было обращено против Церкви. Мистерии Граля были утаены от всех и открыты лишь для так называемых посвященных в тайных мистических братствах и рыцарских орденах; св. Гралю было придано значение магическое, служение ему было созданием второй Церкви, которая мнила себя более истинной, более мудрой и более сокровенной, чем римская, – к созданию некоего магического и теософического сообщества. Св. Граль стал уводить от Христа и Его Церкви, а не приводить к ним: чаша Тайной вечери уводила от чаши Евхаристии⁹.

Восток, в своем сознании, в противоположность Западу, внес потир Тайной вечери в храм Софии, – дал потир евхаристии для евхаристии.

«Есть в Царьграде, в св. Софии, потир, Соломоном сделанный. Грани его из драгоценных камней: первый из них называется акан, второй – измарагд, третий – сапфир, четвертый – карбункул, пятый – электрон, и иные многие светлые камни. Суть же стихи на потире написаны: на правой грани – самарейскими письменами, на второй – еврейскими, на третьей – греческими. Самарейскими: «Чаша моя, чаша, прорицай, доколе звезда. В питие будь Господу, первенцу, бодрствующему ночью». Еврейскими: «Се на вкушение Господа сотворена. Древа иного пил и упился. В веселии возопил: аллилуия». Греческими: «И се князь, и узрит весь собор, славу его и Давид Царь посреди их»¹⁰.

На Востоке потир Тайной вечери был известен с IV века; на Руси сказание о нем существовало уже в XII веке. Смысл таинственных надписей на потире был истолкован так: звезда прорицает Рождение Христа; чаша назначена для таинственного питья на Тайной вечери Первенцу от мертвых, Христу, и чрез него на вечное питие верных; вкушаемое древо – крест Голгофы; кровью Голгофы упивается тварь и природа, и наступает веселее Воскресения, вопреки собору нечестия, книжникам и старцам, осудившим Христа.

Православное сознание Востока внесло потир вечери в храм Софии, поставив его на трапезу, на которой впервые был вознесен сей потир.

Все начала грядущего инобытия Софийной жизни были включены в храм, служивший ее прообразом земным. Студеные ключи из глубины земли били в храме, исходя из таинственного темного лона матери-земли, еще стонущей в грехе. Новое жито земли – хлеб евхаристии дал основу стенам храма. Голубая купина неба, как новое небо откровения, обнимало в образа купола новое человечество – Церковь, собравшееся для нового и вечного внушения плоти и крови Христа – Софии и Логоса. Собор святых – вся Церковь прославленная, – помнился памятью человеческою в 365 пределах, бывших в Софии по народному сказанию – и в службах и почитаниях, действительно совершавшихся в ней. Все, что свидетельствовало о новой земле и новой твари, в чем уже отразился – в земном – лик небесный, было в Софии: сладкое питие Веселия – кровь Христа, светлый покров Богоматери, престол, на котором небо было обручено с землей: трапеза четверга, и как высший дар был в ней, по вере народной, потир Тайной вечери, чаша, излившая на мир триипостасный огонь, преобразующий землю в новую землю, в чистейшую, непорочнейшую невесту Христа, – в «непостижимую и всепетую, девственных душу, Софию преименитую». Софийное собрание земли, человечества, твари и неба было закончено, и София – храм как бы слилась

с Софией – Премудростью, создавшей себе дом (Притч. 9:1).

Град Софии – ее храм, а в литургии и евхаристии этот храм преисполняется бытием Софийным, и всякий, с верою входящий в храм, переживает несказанный восторг бытия в Софии. «Пение же воспоют сладкогласно, аки ангели, и тогда будет стоять во церкви аки на небеси или аки в раи. Дух святой наполняет душу и сердце радости и веселье правоверным человеком». Литургия и богослужение раскрывает уже не созерцательно только, но действенно мир Софийного бытия, ибо тогда и только тогда дерзостно, но право и непреклонно возглашает Церковь: «Ныне силы небесныя с нами невидимо служат», или, что то же – мы сослужим силам небесным. Совместное служение с силами небесными есть действенное пребыванье и соучастие в неведомой нам действительности горняго мира; и от этого служения, – говорит паломник архиепископ, – «Дух святой наполняет душу». Утешитель еще до настоящего, всеполного и окончательного утешения предъутешает тварь. И тварь тогда верует в конечное утешение, в то, что она будет «София преименитая с душой неизглаголаннаго девства»: Софийная действительность храма раскрывала Софийную действительность мира. «Людие вси во церкви со страхом и радостью великою рекоша: уже нас христиан посетил Бог милостью своею и молитвами Пречистыя Богородицы и Святой Софеи премудрости Божией: и будут христиане во единой любви, не имуще рати между собою; обилие же всего добра на земли будет множество, и правда, и святым житием начнут жити людие, обиды же не будет; земля принесет плод от себя Божиим повелением, аки мед и млеко, добраго ради жития христиан».

Тварь процветет чистотой и семя Софии, таимое в темной глуби земли, произростя, расцветет в небесное древо, которое обнимет мир. Так, по преданию, процвела в Царьграде икона пророка новой земли и новой твари, Иоанна Богослова: «написан на стене св. Иоанн, и произросла у него из чела роза белая, и пошли все граждане, чтобы увидеть то и поклонились тому».

Глава VII

Чему же научилась древняя Русь в граде Софии и что восприняла от него, начав мыслить свое бытие неотделимым от бытия в Софии, – «Къде София, ту и Новгород»?

Истоки Софийного чистейшего потока русского народного религиозного сознания ведут нас к св. равноапостольному Константину, в иночестве Кириллу: первоучитель словенский был и первоучитель Руси в Софийном познании; приводя ее ко Христу–Логосу, он приводил ее и к Софии.

Глубокие соображения и домыслы о софийном просветительстве св. Кирилла впервые высказаны свящ. П. Флоренским.

«На долю русского народа, – говорит он, – выпало редкое счастье получить христианство тогда, когда еще почти не успели выразиться черты национального самоопределения. Христианство не сталкивается тут ни с оформившимся учением, ни с богатым культом какой-нибудь иной религии; не находит укоренившихся нравственных привычек или государственных стремлений. Христианство попадает в души младенческие, и все дальнейшее возрастание их, все внутреннее их устройство совершилось под прямым водительством Церкви. Весьма понятно, что народный дух, так сложившийся, не мог не быть существенно православными. Если же прибавить сюда еще природную мягкость русского характера, то станет вполне понятным, что православие должно было запечатлеться на этом воске со всеми особенностями той передачи, к которой предназначило Провидение духовного родителя русского народа, св. Кирилла. – В чем же особенность его духовного склада? – Все житие его пронизано тонами софийными.

Это муж царственных богатств и пышности, житием своим благословляющий не отсечение, а преобразование полноты бытия. Не резкий поворот от греха к чистоте характерен для подвига св. Константина, но благодатная непрерывность в его росте». Далее свящ. Флоренский рассматривает житие св. Константина с указанной точки зрения. Он был седьмой сын богатых царедворцев. Семи лет он видел сон: ему приказано было стратигом выбрать себе невесту из всех девиц града. «Я заметил одну, – говорил св. Константин, – прекраснейшую всех, с лицом светящимся, украшенную многими золотыми украшениями; ей имя было София. Ее я избрал». Родители поняли, что Господь дает отроку деву Софию, т.-е. Премудрость, и стали учить Константина не только

книжному чтению, но и богоугодному добронравию, – Премудрости духовной. «Наставляя сына, они и напутствовали его словами, почерпнутыми из книги Соломона о Софии, Премудрости Божией. За беспредельные знания свои и мудрое житие св. Константин был прозван философом. «Хотя воспитывался он при царском дворе, под личным наблюдением императора, однако, он помнил о подруге своей. Отказавшись от знатной, богатой и прекрасной невесты, он был возведен в иерейский сан и сделан библиотекарем при храме св. Софии». «Вот от этого-то избранника Софии, – заключает о. Флоренский, – и получило начало свое русское православие. Удивительно ли, что та, которая избрала Константина на просвещение народа русского, побудила его к этому подвигу, стала особой покровительницей новопросвещенного народа-младенца и что икона ее возникла впервые именно здесь и стала народной святынею»¹¹.

Я привел этот глубокомысленный домысл о. Флоренского за тем, что он всецело подтверждается данными русского народно-религиозного сознания. Эти данные все и всецело за нашего лучшего исследователя православного учения о Софии: так, как он, мыслил о св. Константине и русский народ.

Канон Софии, Премудрости Божией, знает и воспекает в иконе два промыслительных явления Софии: царю Юстиниану, при созидании Царьградской Софии, – явление, явившее для храмового и церковного почитания истинный образ Софии, упразднивши языческие и гностические ее образы, – и «Кириллу философу», т.-е. св. Кириллу, учителю словенскому. «И пребожественному Кириллу Философу во явлении девицу избранну именем Софию сиречь премудрость Божию, даровал еси. Зрак лица ея огневиден вообразил еси, от нея же изыде огонь Божества Твоего». Последние указания на внешний лик Софии истребляют последние сомнения, что св. Кирилл избран был на апостольство – Софиею Преименитою. Это упоминание о Константине в иконе канона св. Софии встречается во всех мне известных печатных изданиях и рукописях канона.

Еще глубже связь св. Константина с св. Софией обнаруживается в ином мистическом сочетании, смысл коего может быть здесь раскрыт только отчасти и не вполне. Величайшая святыня, которую усвояло народное религиозное сознание Царьградской Софии, был Потир Тайной Вечери, Чаша Христа, впервые орошенная вином земным, претворенным в кровь Божественную; сосуд «таинственного смотрения Божия» над судьбами твари, сосредоточивши в себе святое святых храма Софии

Премудрости Божией, был создан пророком и певцом Премудрости Божией Софии, царем Соломоном: Потир Тайной Вечери создан воспевшим таинственную Вечерю Премудрости: «Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его, заколола жертву, растворила вино свое и приготовила у себя трапезу» (Притч. 9:1–2). Послужив двум вечерам тайным – вечери Софии и вечери Логоса, потир Соломона и Христа в храме Софии стал служить тайной вечери вечного евхаристического воплощения Софии и Логоса–Христа. Надписи, начертанные на потире, таинственно возвещали вселенское промышление Божества о человечестве и твари, указуя пути Софии и Логоса во вселенной. Эти надписи, открывавшие тайну Софии и никому не доступные по смыслу, были прочитаны и изъяснены св. Кириллом (Константином), апостолом Логоса и Софии: надписей сих «никто же не можаше ни почести, ни сказа; взем же потир философ, почет и сказа». Сказание о потире включено в жития святого Кирилла, но те же жития и сказания, в русском древнейшем их изводе называют св. Кирилла–Константина прямым просветителем Руси. В Софийском Новгородском списке сказания прямо читаем: «Сих же стихов никтоже не мог протолковати, но протолкова токмо иже древле приходи в Русь философ учити Владимира: ему же имя Кирилл». Более того: древняя Русь и ее учителя верили не только, что Константин был прямой просветитель Руси, ее апостол, но что и самая созданная им грамота была русскою грамотой, открытой от Бога, и что свой перевод священного писания св. Константин совершил не в Византии, Моравии, Паннонии или Болгарии, а на Руси, в стольном Киеве¹². Это убеждение, свидетельствуя с полной ясностью о той силе любви и безмерной признательности за просвещение, которою платила Русь памяти своего просветителя, указывает еще и на то, что просвещение, данное св. Кириллом, воспринято было Русью безбольно, свободно, органично, радостно, благодатно – Софийно.

Указанное убеждение древней Руси в прямом просветительстве св. Кирилла на Руси не есть легенда: современная наука славяноведения начинает принимать апостольство св. Кирилла на Руси, как действительный исторический факт. Знаменитый славист В. И Ламанский пишет: «Хазарская миссия Константина была собственно русская миссия, ибо хазары о крещении просить в Царьград никого не посылали, а посылали русы в 860–1 гг., а патриарх Фотий избрал именно Константина Философа для Руси, так как знал, что тут живет самая многочисленная отрасль славянского племени. Славянское же письмо и первоначальные переводы Константина Философа (Мефодия) были уже готовы в 855 г.»

Перечислив целый ряд исторических свидетельств в пользу первого, Кириллова, крещения Руси в 860–1 гг., в достоверности которых не может быть сомнения, Ламанский заключает: «Первым апостолом и крестителем Руси в 861 г» был никто иной, как Константин Философ»¹³.

Избранник Софии обручил младенческую Русь, любящую чистоту, и младенческую ясность духа – Софии, и Русь благодарно поминала своего обручителя.

Обручение с Софией, совершенное св. Кириллом около Потира, Божественного Логоса свято хранила Русь: она стала продолжательницей и углубительницей Софийного дела – Византии.

Древняя Русь с глубоким религиозным трепетом входила под своды Царьградской Софии, и мы видели, почему это так было. Когда послы Владимировы, присутствуя при богослужении, недоумевали, где они находятся: на земле или на небе, – они верно выражали будущее отношение православной Руси к Царьградскому храму: эта София для них была образом другой Софии, образом не мыслимым, не творимым разумом, а переживаемым действенно и опытно. Они учились ощущению Софийного бытия, впитывая в себя начала этого бытия, открываемые в богослужении, совершаемом в св. Софии: отсюда и только отсюда восторг их перед этим храмом, а не перед каким-либо иным из великолепных храмов великолепного второго Рима. Понятно поэтому, отчего так обильны памятники древне-русской письменности, относящиеся к св. Софии Царьградской, отчего так многочисленны ее описания: они ценнее, археологически обстоятельнее, исторически достовернее, чем описания западных путешественников и писателей, и уже без всякого сравнения, они больше их дают для понимания религиозного существа этого храма и Той, Кому он посвящен. Роберт Кларийский, крестоносец, участвовавший в взятии Константинополя и, следовательно, посетивший его почти одновременно (разница в 4 года) с нашим архиепископом Антонием, пишет о храме: «Теперь я вам скажу о храме св. Софии, как он сделан (св. София по-гречески то же, что св. Троица по-французски)». Описывая храм, он даже отдаленно не знает, кому он посвящен; между тем идею храма и его посвящение, его религиозную жизнь достаточно ясно и бесспорно верно можно выяснить себе даже из одного немногословного «хождения» нашего, далеко не книжного, архиепископа Антония. Северянин аббат Николай, духовное лицо, ничего не нашел больше сказать о Софии в своем «Итинерарии», как только: «В Маклагарде есть церковь, называемая Agiossophia, а северными людьми – Aegisit, и церковь эта по устройству и величине превосходнее всех церквей на земле». Очевидно,

было религиозно-неинтересно знать, кому посвящен этот превосходный храм и чей там престол: так далека была от Запада та религиозная жизнь, которая совершалась в этом храме. Для Запада София была чудо искусства и еще больше чудо богатства, но не чудо веры, каким она была для нищей Руси, не зарившейся на это богатство, но пораженной той святой жизнью, которой учил этот храм. Запад же не только зарился на богатый храм, он руками крестоносцев и разграбил его, осквернив к тому же оргиями в дни латинской империи¹⁴.

Св. Константин вместе со своим братом был просветителем славян юга и запада столько же, сколько и востока; апостольство его, столь исполненное начал Софийности, одинаково и тем и другим славянам несло эти начала, бросая семена Софии в религиозную новь этих младенческих народов. Но не оправдалась ли и здесь, как всюду в мире духовного делания, притча о сеятеле?

Мы не знаем никаких следов церковного почитания св. Софии на Западе подобных тем, какие в изобилии встречаем на Востоке. Изображений Софии – Премудрости Божией, не как олицетворенного понятия и иконографической аллегии, а как изображения действительного лика Сущей Софии, до сих пор неизвестно нигде на Западе и западного происхождения¹⁵. Никакого следа литургийного почитания Софии – Премудрости Божией, в виде канонов, служб, молитв, точно так же не встречается на Западе, в том числе и на славянском Западе. Церковная феноменология Софии существует исключительно на Востоке и в православии; наибольшее число явных и бесспорных ее проявлений, в виде храмов, икон, богослужебной и учительной литературы находится на Руси. Это бесспорный и до сих пор ничем не опровергнутый вывод богословской, исторической и археологической науки. Если бы исчезло все, что сохранил греческий православный Восток и православная Россия, относящегося к церковному христианскому почитанию св. Софии, мы не знали бы о нем и о ней ничего.

Для религиозного бытия России – это факт беспримерный по значению и важности. Русь помнила о Софии тогда, когда о ней не помнили все другие народы. Я говорю здесь не об индивидуальной и смертной памяти отдельных лиц, мыслителей и мистиков, а о церковной, соборной памяти, памяти бессмертной и приближающейся к непостижимой и всеполной памяти Божией. В этой церковной памяти русского православного народа представление о Софии хранилось, как условие религиозной жизни всего народа, без которого он не может пребывать и в Церкви, т.-е. отлучается от Христа. Это представление вовсе не было

представлением, полученным по наследству и хранимым, как некая уже не переживаемая, а лишь оберегаемая ценность. София жила и развивала жизнь, усложняла и углубляла ее в русском церковно-народном религиозном опыте и сознании. Софийное наследство Византии было Русью приумножено и обогащено.

Не вдаваясь в подробности, очень существенные и даже необходимые, можно лишь в общих чертах отметить, в чем было приумножено это наследство.

Глава VIII

Византия не знала образа св. Софии; в Софийском храме не было изображения самой Софии.

Византия довольствовалась иконографическими намеками на этот образ, частичным, не полным и иногда случайным его воплощением. Ни на древнейших, современных основанию храма, ни на позднейших – времен Иоанна Пелеолога, мозаиках св. Софии, не встречаем целостного и законченного изображения св. Софии в той мистической, религиозной и иконографической его полноте, в какой существует оно на Руси. Ангел с шаром и жезлом в руке – единственный остаток первоначальной мозаики, изображает именно ангела, одного из сил небесных, – изображение, совсем отличное от ангеловидных изображений св. Софии, сохранившее свое особое назначение в русской православной иконографии до наших дней. Позднейшие мозаики сохранили изображение уготованного престола и ангелов, приносящих к нему, но это изображение входит в состав многих иконографических композиций совсем отличных от Софии, и никак не может почтяться за изображение самой Софии, изображая или, точнее, олицетворяя Слово Божие. Ни в одном из описаний Софийского собора, оставленных очевидцами, мы не встречаем никакого описания храмового изображения. Больше того, по авторитетному указанию Н. В. Покровского, «древнейшие памятники изображений св. Софии не дошли до нас»¹⁶; древнейшие же из дошедших показывают, что такого единого, целостного изображения и не было вовсе; все же, что дошло до нас из позднейших, свидетельствует еще только о попытках найти, создать, обрести, наконец, должное изображение; очевидно, если позднейшее свидетельствует только об искании, то предшествовавшее и более раннее никак не могло быть находением и завершением. Византия создала лишь элементы и части будущего образа Софии. Этот образ в его целостности и религиозной и иконографической полноте создала Русь. Западу же этот образ остался до конца и совершенно неизвестен.

Почему же Византия, первая воздвигшая храм св. Софии, соединившая в этом храме все, что феноменалистически свидетельствовало о Софийной действительности мира, родившая создателей образа действенного бытия в Софии, – создателей литургии Василия Великого и Иоанна Златоустого, почему же Византия не создала лика Той, Которой послужила так много? Этому причиной была единственность, неповторимость, исключительность Софии Царьградской.

Хотя в империи были и иные храмы, посвященные Софии, но вся полнота почитания, весь восторг служения был сосредоточен в одном – в Царьградском. В своей исключительности и единственности он напоминал храм Соломонов, и недаром, воздвигнув его и войдя в него, Юстиниан вспомнил о том исключительном храме: «Я превзошел тебя, Соломон». Истинный византиец, свидетель гибели Царьграда, Георгий Франтца так мыслил о нем: «храм премудрости Божией – это земное небо, престол славы Божией, колесница херувимов, творение Божиих рук, свет мира». Казалось, вся святыня вселенского Софийного бытия, все святое земли: от скрижалей Ветхого Завета до чаши Нового, от Христа до мученика за Христа, было вмещено и внесено в этот храм и прикреплено к нему навсегда. Все другие храмы должны были жить лишь воспоминанием о том, что в нем было самой действительностью, были Софийскими храмами лишь потому, что построены в память той великой Софии, были храмами в честь храма. Как же было проявиться лику Софии, как было быть образу ее – иконе, когда образом ее был весь храм, от фундамента до свода, от алтаря до притвора? Образ Софии был разлит в самом воздухе Софийского храма, он как бы предносился пред каждым молящимся. Лик Софии был храм Софии. Другие храмы были, повторяю, только храмы этому храму. Лица Софии вне единственного и исключительного Храма – Лица Ее, не должно было быть и не было в Византии.

Русь, приняв Софийное крещение от Византии, не создала никакого центрального, исключительного храма храмов в честь св. Софии, но она создала ее образ, который позволил создавать всюду равночестные и равновеликие храмы в честь св. Софии. Воцерковление идеи Софии, ее облечение во Христа, сплетшее ее неразрывно и уже навсегда с идеей Церкви, совершилось в древней Византии, но на вселенский простор, на вселенскую потребу она вышла в русском религиозном сознании. Случилось это тогда, когда была написана первая русская икона Софии – Премудрости Божией. Икона и иконное изображение есть всегда окончательная кристаллизация и воплощение в видимом религиозного опыта и познания умного. Когда религиозный опыт и умное делание, направленные на познание умной сущности, преображаются силою св. Духа до Софийной ясности, до изначальной просветленности, и в этой ясности и просветленности, как бы лицом к лицу, воспринимают бытие сей умной сущности, они уже видят ее образ и созерцают ее лик. Тогда создается вещественный лик – икона. Так, после долгого церковного познания, опытного и умного, ипостаси Сына Божия, когда преоборены были все соблазны и разновидности арианства, и духовно прояснен для

человечества лик Сына Божия, Он был явлен и во вне – в создании того зрительного образа Христа, который известен нам с детства.

Первая икона Софии, написанная на Руси, выявила во вне лик Софии, и церковное почитание этого лика, перестав быть присущим одному только храму, одному только месту на земле, стало возможно всюду. То, что Греция вместила в храм и его стены, Русь вынесла на широкий окоем мировой. Софийный лик, начертанный на иконе, с иконами этими разошелся по огромному простору земли. Каноны и молитвы читаемые пред иконой Софии, сопровождали везде ее икону и зазвучали всюду, куда проникала Русь. Не создав единственного храма, подчиняющего себе все другие, ни в Киеве, ни в Новгороде, ни на Волыни, ни на Востоке, Русь создавала бесчисленные и равночестные храмы в честь св. Софии всюду, куда приводил ее исторический путь ее. Так возникли храмы св. Софии в Киеве, Новгороде, Полоцке, Владимире, Вологде, Москве, Устюге, Тобольске, Моршанске, Каргополе, Гродне. Строители этих храмов продолжали дело св. Константина, исполняя Софийное послушание, наложенное им на Русскую землю. Храмы Премудрости были храмами, воздвигаемыми вслед за новым крещением новых земель и народов. Приводя их ко Христу, строили храмы Софии, включая их в тело Христово, в Софию. Это были новые повторения того литургийного крещения и просвещения, которое сама Русь получила впервые в Царьградской Софии. Потир Логоса возносился над новообращенными в храме Софии. Так исполняла Русь завет Константинов, так просвещала языки.

Необыкновенно глубокое, исключительное по своей проникновенности, изображение этого Софийного бескровного крестового похода Руси дано Вл. А. Кожевниковым в его замечательных «Северно-русских думах».

«Свое мирозерцание, глубокомысленное и широкое, несоответственно широкое своим политическим силам и способностям, безхарактерная, но вдумчивая Византия воплотила в несравненном художественном создании, в храме св. Софии, ставшем как бы наглядным проектом и художественным подобием всемирной задачи, указанной Восточной империи, второму Риму: братского, соборного объединения мира христианского и умиротворения мира неверных. Исполненное дело разбилось о мелкия побуждения и колоссальные пороки; но бессмертная задача осталась для мыслей, для чувств и для усилий воли грядущих поколений воплощенною в величавом, поруганном Исламом, но неистребимом, способном к возрождению храме св. Софии. И вот, в залог

понимания и усвоения этой задачи, во свидетельство о преемстве Русью от Царьграда этой славной задачи и долга с нею неразлучного, русская политическая, религиозная и художественная сила воздвигает и у себя, на лоне земли православной, крестной дщери Византии, храмы Софии сначала в Киеве, затем немедленно в Новгороде и т. д., до отдаленнейших окраин государства Русского, до глубины Азии, до Сибири (Тобольская София) и Пекина, где позднейшая из русских Софий возведена была политической мудростью албазинских пленников, как бы пророчески указавших этим, до каких пределов простираются миролюбивья и миротворныя обязанности третьяго Рима».

«Храмы Софийские предназначались для поддержки связи и родства с духовным и государственным заветом Византии о всемирном братстве и соборном объединении единоверных, воплощали собою чествование высшей мысли, высшей мудрости в смысле христианском: они вещали, что высшая мудрость состоит в спасении всего мира, в установлении мира всего мира»¹⁷.

* * *

Все изложенное приводит нас к одному выводу. Нельзя и безумно говорить о русской Софии и даже о русской идее Софии, но должно подчеркивать и неустанно повторять, что церковное вселенское откровение Софии дано лишь в православии: лишь в нем одна идея Софии не приводит нас вновь к гностическим блужданиям, к самочинным мистическим и философским построениям Софии, к произволу о ней, лишь православие не возвращает нас к той эпохе внецерковного и потому внесофийного почитания Софии, которая окончена с явлением ангела Божия Юстиниану при построении Софии Царьградской. Православное раскрытие и утверждение идеи Софии, начатое Византией, продолжалось древней Русью: из-под сводов единственного храма она вынесла почитание Софии под своды бесчисленных храмов – иначе говоря, под вселенский свод небесный. Она явила впервые ее лик на иконе: кроме русской иконографии Софии, нет никакой иной. Итак, должно со всей ответственностью сказать: православие явило ноуменальный, Русь – феноменальный лик Софии. Эта русская служба Софии, – как видели мы, принятая из рук Византии, – не закончена и не может быть закончена.

Все сделанное – ничто пред тем, что должно сделать, но нет никакого сомнения, что Софийное крещение и просвещение Руси определило в сильнейшей степени характер русского духовного христианского делания. Просвещение Христом в Софии создало русское подвижничество. От преп. Антония и Феодосия Печерских, через Серия Радонежского и Нила

Сорского до преп. Серафима Саровского и позднейших пустыльников и умных делателей, – все русские подвижники суть творцы Софийной действительности, тихие проводители Софийного жития в Христе, утешенные св. Духом. Любимое самопрозвание старой Руси – Святая Русь – всецело относится именно к этой Руси, пребывающей уже в Софии, к Руси преп. Сергия и Серафима, но оно же, это же прозвание – Святая Русь – предстоит, как чаемое достижение, как предначертанный идеал, и перед всей Русью: и ей подобает идти к тому, чтоб быть Святой Русью, страной святой Софии. Так понимали идеал святой Руси славянофилы, так мыслил о нем Достоевский. Ближайшая к нам русская религиозная мысль вся проходит под знаменем св. Софии, взыскую Ее прилежно и упорно. Каковы бы ни были достижения этой мысли, каковы бы ни были ее силы и немощи, которых больше, чем сил, она тщится не удалиться от чистейшего потока Софийного познания, вливающегося в источник всяческого познания – в всеведующую и всеполную память Божию. В указанном смысле и ей, этой бедной мысли нашей, предстоит тот же завет Константинов и Сергиев: пребывать в Софии, как Церкви, и Христе, как главе Церкви, – «наследить Премудрость Божию Софию именованную, яко блага сосца ея, паче вина».

Глава IX

Второй Рим создал св. Софию Цареградскую и мыслил ее вечным храмом храмов, но свое собственное существование, как царствующего града, он никогда не представлял бесконечным. Первый Рим, утверждаясь на идее человечества, собранного в железное тело Imperium Romanum, замкнутое в себе и утвердившее себя, как единое сущее в мире, представлял себя бессмертным, ибо самое бессмертие понимал, как бессмертие рода, бессмертие героя, бессмертие силы. Царьград, хранивший в себе идею Софии, ведал, что бессмертно лишь тело духовное – Церковь, а не тело железное – государство. При самом основании Царьграда, – так мыслили позднейшие греки, – уже ведомо было ожидающее его разрушение. Задолго до падения Царьграда уже существовало предание, вошедшее впоследствии в многочисленные «повести о падении Царьграда» и в русские их изводы. Когда Константин основывал город и определил, где быть стенам и воротам городским, «внезапно вышел из норы змей, пополз на то место, – и вдруг сверху ниспал орел, схватил змея и полетел с ним в высоту, а змей обвился вокруг орла. Император и все люди смотрели на орла и змея. Орел, взлетев высоко, надолго исчез из глаз, но вот он пал со змеем на прежнее место, ибо одолел его змей. Люди, прибежав, убили змея и освободили орла». Спрошенные ужаснувшимся императором книжники и мудрецы так пояснили это знамение: «то место наречется седмихолмный град и будет прославлен паче всех городов. А орел – знамение христианское, а змей – знамение басурманское, а как змей одолел орла, так басурманство одолеет христианство. А как христиане убили змея и орла освободили, так напоследок вновь христианство одолеет басурманство и будет обладать седмихолмным и в нем воцарится»¹⁸.

Это сказание полно того эсхатологического понимания истории, которое вообще было свойственно византийцам, полно покорным сознанием своей судьбы, как всецело предрешаемой решением Божиим – и в нем замечательно, что над судьбой города и храма высоко поставляется судьба веры – православия. Византия знала, что она – конечна, но бесконечно православие; зная свои исторические грехи и не имея силы и воли истребить их, Византия верила, что судьбы православия в мире не могут всецело зависеть от исторической судьбы царей и народа, что суд Божий, истребляя человеческое, хранит Богочеловеческое, – Божественное, таимое в человеческом. Отсюда рождается идея

мистического и религиозного преемства, духовного наследия, передаваемого новым наследникам. Может пасть – и падет – второй Рим, и каменные стены его не выдержат агарянского натиска, но православный град Софии с незримой крепостью стен церковных не может быть истреблен. Чем ближе приближался к Царьграду неотвратимый ужас агарянского владычества, чем яснее предчувствовала она свою судьбу, тем сильнее была уверенность в несокрушимости града Софии. Обладание земным господством, – верила Византия, – передается тому, кто ближе других подходит к невидимым стенам этого града. Но это подхождение к граду Софии возможно лишь в правой вере и правом богопочитании. Ключ к воротам этого града есть ключ церковный; только он один отпирает врата. Византия императорская, великолепная, грешная и мудрая, не любила Руси: она помнила северных варваров, пенивших своими ладьями воды Босфора, она боялась славянской волны, шумно плескавшейся отовсюду с севера и запада к самым воротам Царьграда. Но не любя и, быть может, презирая Русь – плебея с великолепной усмешкой стареющего патриция, Византия знала, что там, на севере, она зажгла сама же светоч истинного Богопочитания, передала свое бывшее в ее руках сокровище веры и мудрости – православие Софии и Логоса. «Византии не было суждено представить истории и миру образец христианского общества, – говорит Хомяков. – Сама Империя падала все ниже и ниже, истощая свои нравственные силы в разладе общественных учреждений с нравственным законом, признаваемым всеми; но в душе лучших ее деятелей и мыслителей, в учении школ духовных сохранялась чистота и цельность просветительного начала»¹⁹. И предчувствуя свою историческую смерть, бессильная ее отворотить, она прочила нелюбимую Русь в наследницы своего духовного богатства, вверяла ей, единой и единомысленной в Божеском, а не в человеческом, ключи от града Софии, – ибо некому было другому передать эти ключи. Признанный знаток Византии, Шарль Диль, недавно писал:

«В то время, как языческий Рим верил в вечность своей империи, христианская Византия, наоборот, всегда думала, что наступит день гибели «Богом хранимаго града», как называли тогда Константинополь. Народное воображение с тревогой пыталось проникнуть в тайны будущего и узнать свою судьбу. На площади Торо, которая теперь называется площадью Сераскериата, у подножия высокой колонны, изображавшей императора Феодосия, возвышалась привезенная из Антиохии в Византию статуя, изображавшая мужчину. Все сходились в том, что скульптурные орнаменты на каменном основании памятника представляли историю

последних дней города, когда он будет взят русскими. Писатель X века, анонимный автор книги «О статуях», пишет об этом с большой определенностью, и это предчувствие никому неизвестного византийского писателя тысячу лет тому назад кажется нам теперь поразительным, потому что в то время нарождающаяся Россия должна была казаться обитателям Босфора слабой и очень отдаленной страной».

Умиравшая Византия в целом ряде памятников своей письменности – в «Книге Льва Премудраго», «Слове Мефодия Патарскаго», «Видениях Даниила» и многих других, – выражала одну и ту же мысль: о неизбежности гибели города императоров с его сокровищами, и о передаче запретных для разграбления сокровищ духовных – иным хранителям. Богатства св. Софии будут окончательно разграблены, как уже были ранее пограблены крестonosцами, но софийное богатство правой веры и правого религиозного опыта и сознания не может быть разграблено: к сокровищнице, их хранящей, будет подведен другой народ.

Падение Византии было оплакано Русью с бесконечной скорбью: старая любовь к недостойной, но крестной матери проявилась сильно и глубоко. Но Русь поняла и смысл этой гибели: она восприняла его, как грозный всемирно-исторический урок, как некое действие той же миродержавной Премудрости. Умирание Византии Русь видела лицом к лицу, не выпуская из глаз смердящих язв и гнойных ран умирающего государственного тела Византии, но, не посмеявшись над этим обнаженным телом, она распознала, в чем его болезнь и почему оно должно было умереть.

Византия умерла тогда, когда ее тело плотяное лишилось тела духовного.

В «Повести о Царьграде», приписываемой Нестору Искандеру²⁰, подробно описываются два крайних предела исторического существования Царьграда: его основание Константином и его гибель при Константине. Семихолмный город Софии погиб, когда оставила его «девственных душа» – София Премудрость. Враг осаждает город; спасенья ждать нельзя ни откуда; «от звука звоннаго, пушечнаго боя и пищальнаго стука, от плача и рыдания городских людей, жен и детей, мнилось, небо и земля соединились и оба колебались, и не было слышно слова человеческого; дым покрыл весь город и войско, и не видели друг друга, кто с кем бьется, и многие умерли от дымнаго духа». Но город держится еще, силою Премудрости Божией противостоит бесчисленному врагу. Магомет уже готовился снять осаду и уйти от города, «но, – говорит повесть, – понеже безакония наша превзыдоша главы и грехи наша отяготеша сердца наша,

воеже заповедей Божиих не послушати и в путех его не ходити, – гнева его камо убежиши?» Последнее прегрешение города и царя – попытка заключить позорный мир с Магометом – в Божьем промысле решают судьбу города, – ибо «бранная победы и цезарское падение Божиим промыслом бывает».

«В 21 первый день мая, грехов ради наших, было страшное знамение в граде: ночью осветился весь город, и, увидев то, стража поспешила посмотреть, что случилось: чаяли, что турки зажгли город, и подняли великий вопль. Сбежалось множество людей и увидали: у великой церкви Премудрости Божией, из окон купола, изошел великий пламень огненный, надолго окружил купольную шею, и собрался пламень и соединился в единый, и был как свет неизреченный, и се взят был на небо. Видевшие же начали плакать горько с воплем: «Господи, помилуй!» Когда же свет достиг неба, отверзлись двери небесныя и, приняв свет, опять затворились». Патриарх, император и весь город единомысленно истолковали смысл страшного знамения. Патриарх сказал царю: «Ты ведаешь, царь, все, прежде сказанное о граде, и се ныне страшное знамение: ибо это – тот свет неизреченный, который совокупно действовал в великой церкви Божией Премудрости с прежними светильниками и архиереями вселенскими. Се – ангел Божий, котораго утвердил Бог при Юстиниане-царе на сохранение святых великия Церкви и града сего, отошел в ночь сию на небо; и сие знаменует, что милость Божия и щедроты его отошли от нас, и хочет Бог предать город наш врагам нашим». И когда все граждане слышали о страшном знамении, они, – мудро передает повесть, – «как бы растаяли все, и напал на них страх и трепет».

Св. София, покинув храм свой, оставила свой город, ею некогда хранимый. Образ чистого бытия, светлое существо бытия вернулось к источнику бытия, Богу, оставив храм, город и людей во власти призрачного и лживого бывания. И перестав быть в Софии, они перестали быть вообще.

Вся тварь, видимая природа, оплакала отшествие Софии из Града Софии и предрекла гибель граду знамением природным. «В седьмой день начала наступать над городом великая тьма: воздух, сгустившись, навис над городом в образа плача, ниспуская, как слезы, огромныя кровавыя капли, подобныя величиной и видом оку буйвола, и были в великой туге и ужасе». Патриарх в страхе возопил царю: «Ты видел отшествие Св. Духа, и вновь ныне тварь проповедует погибель града сего». Чистейшее существо твари, Ея Богуобращенный лик, отвернулся от города и людей, и

сама тварь, в ее земном бытии и существе, преисполнилась ужаса.

Посыпав пеплом главу, упав на землю пред Великой Церковью Софии, покинутой Софией Преименитой, император бросился в бой, ища смерти, и пал, пораженный мечом. Седмихолмный Город-Царь, когда ушел из него в небо незримый седмистолпный Град Софии, пал, израненный на смерть. Он был до тех пор, пока была в нем София.

Глава X

Как же восприняло древне-русское церковно-народное религиозное сознание эту смерть Города-Царя? В чем увидало оно причину его гибели, предрешенной отшествием софийного начала?

«Злодеяния и беззакония превратят престолы сильных, – читаем мы в «Повести о падении Царь-града», – расточи гордые мысли сердца их, и низложи сильныя с престол, также и сей царствующий град неисчетными согрешеньями и беззаконьями от толиких щедрот и благодеяний Пречистыя Богоматерь отпаде, тьмочисленными бедами и различными напастями много лета пострада». Самый поход Магомета на Царьград «Повесть» объясняет тем, что султан проведал о греховном и незаконном существовании города. Падение Византии есть следствие греха, есть нераскаянность в грехе, а грех без покаяния и исправления есть вражда к Софии, обида ее чистоте и ясности. София, – по канону ей – «огнь Божественный, пожигая нами душетленные страсти», и меньшее, что она может требовать от чтущих ее, это – их непрекращающейся жажды этого «страстеистребительного огня»: тварь, люди и царства, если хотят быть, – а истинное бытие есть бытие Софийное, – должны желать, чтобы грехи их были постоянно попяляемы огнем очистительным Софии. Чтущие Чистую должны быть чисты или, по крайней мере, желать чистоты.

Сказание о гибели Царьграда настолько понимает это, настолько сознает нечистоту исторического делания Византии, при чистоте и сиянии ее религиозной мысли, что, вопреки исторической вероятности, вопреки патриотическому чувству, рисует грозного Магомета II мудрым, милующим правителем, которому по праву Бог судил быть свершителем грозной кары. Магомет, по сказанию, преследует неправосудных судей и так объясняет причину гибели Византии: «В котором царстве люди порабощены, в том царстве люди не храбры и к бою против недруга не смелы, ибо порабощенный человек срама не боится, и чести себе не добывает, а говорит так: хоть богатырь или не богатырь, однако, я холоп государев, и ко мне имени не пребудет. А в царстве Константинове, при царе Константине и у вельмож его лучшие люди все порабощены были в неволю; цветно было видеть полки его вельмож, да против недруга не держались крепкаго бою, смертною игрою не играли и с бою утекали»²¹.

Нечистота жизни отравляла и чистоту веры: важнейшей причиной падения Царьграда русское народное сознание считало участие греков в флорентийской унии, измену православию ради призрачной возможности

такой ценой спасти город, получив помощь от латинского Запада. В то время как турки осаждали Царьград, в Софийском храме поминалось за литургией имя римского папы. Самая слабость сопротивления, оказанного туркам, не одной столицей, но и всей империей, объяснялась, между прочим, и тем, что православный греческий народ не доверял своим вождям – императору и знати, справедливо упрекая их в измене православию, в переходе в латинство или в прямое, открыто восстанавливаемое язычество. Замутнение религиозного сознания у поздней Византии есть страшный грех ее перед Софией, требующей чистой и светлой ясности сознания религиозного так же, как и чистоты жития. Именно измена православию, нечистота духовная, – не грехи государственного, а грехи исповедания – и была причина гибели Византии, по древне-русскому представлению. Митрополит Филипп, увещевая новгородцев в 1471 г., говорил: «а и то, сынове, разумеите: царствующий град и церкви Божии – Константинополь доколе непоколебимо стоял, не как-ли солнце сияло в благочестии? А как оставя истину, да соединился царь и патриах Иосиф с латиною, да и подписал папе злата деля, – не впал ли в руки Царьград поганым, не в турецких ли руках?»²².

Оплакав падение Византии, русское религиозное народное сознание оценило в полной мере всю безмерную сложность и ответственность задачи, выпавшей на долю русского народа – быть хранителем вселенского православия.

Обычно считают, что, сознавая себя третьим Римом, московская Русь брала на себя все дело Византии целиком, спешила возложить на себя тяжкий венец Византии и взять в свои руки меч и державу византийские со всей гордыней, неправдой, грехами и насилиями этих меча и державы. Обычно представляют себе, что Русь московская с большою легкостью и охотой примерила и возложила на свои слабые плечи тяжкую порфиру византийскую и захотела государить так же, как государила Византия.

Было как раз наоборот: московская Русь различала два града, скрывавшиеся под одним именем Царьграда: город императоров и град Софии, – и в лучших мыслях своих и центральных устремлениях своей воли она явно хотела быть наследницей второго града, а не первого города.

Обычно Иоанна Грозного считают крайним представителем русского византийства, истинным базилевсом третьего Рима. Но даже этот базилевс московский мыслил – к несчастью, нельзя сказать: действовал, – совершенно в духе рассмотренной «Повести» и не отказался бы объяснить падение Царьграда так, как объяснено там. Так, Иоанн молился, чтобы

Господь «не помянул юности его согрешений и не связал бы его грехом толика множества народа». По его собственному определению, «земля правится Божиим милосердием, пресвятая Богородица и всех святых молитвами, родителей наших благословением, последи нами, государями своими». Эта формула, конечно, та самая, которую не исполнила в своем государствовании Византия и за неисполнение которой погибла, по мысли «Повести». Московские политические деятели, бояре, в дипломатическом документе высказывали мысль, что государственное достоинство московского царства совсем не зависит ни от какого преемства с Вторым Римом. «Хотя бы и Рим старый, – писали они, – и Рим новый, царствующий град Византии, начали прикладываться к нашему государю, то как ему можно свое государство московское ниже какого-нибудь государства поставить?» Явно, что для этих деятелей византийское государственное наследство не представляло никакой цены, и они отказывались от него, считая его для себя ненужным²³.

Во всяком случае, при самом осторожном отношении к вопросу, становится очевидным, что Москва всегда и единодушно, от царя до книжника-монаха, без сравнения выше и больше ценила повынесенное от св. Софии православие, чем «повынесенное из Царьграда царенье». Никакой своей особой вселенской идеи, которая давала бы право быть Третьим Римом, у московской Руси не было ни в области государствования, ни в творчестве правовом, но она получила от Византии то, что дало тысячелетнюю жизнь самой Византии, что обладало безмерной, непреходящей ценностью – вселенское православие; во всемирно-историческом аспекте это было второе, а не третье, если считать первым языческий универсализм италийского Рима; этому второму – христианству и православию – в истории предопределено быть и последним. В этом смысле, Москва могла быть новым Вторым Римом, а не новейшим Третьим. В этом смысле Москва была права, утверждая, что христианство и православие Второго и чаемого третьего Римов исчерпывало всю полноту религиозного и исторического бытия человечества: для четвертого Рима не оставалось ничего.

Старец Елеазарова монастыря Филофей, виднейший сторонник идеи третьего Рима, в своих знаменитых посланиях утверждает именно религиозное, а не государственное преемство Руси от Византии. Бог за грехи предаст на разорение страны, как предал греков 90 лет тому назад – «понеже они предаша гречскую веру в латинство». Он устанавливает лишь бесспорный факт, когда утверждает, что судьба Руси связана отныне с земными судьбами православия, что земное вместилище православия

ныне одна Русь, что православная мысль и дело вместились отныне в ее удел. «Вся христианская царства, – говорит он, разумея под христианством православие, – преидоша в конец и снисдошася во едино царство нашего государя»... Великому князю Василию он повторяет то же: «Вся царства православныя христианския веры снисдошася в твое едино царство». Но отсюда же, из того положения, что православие в его земных судьбах как бы вверено религиозному подвигу, мысли и труду Руси, инок Филофей делает строгий вывод, показывая, как должно относиться государству и царю к такому высокому жребию: «Подобает тебе, царю, держати со страхом Божиим: убойся Бога, давшаго ти сия». «Подобает царствующему держати сие с великим опасением и к Богу обращением, и не уповати на злато и на богатство исчезновенное»²⁴. Эта неотступность опасения и страх пред возложенной работой Господней являются учительным выводом из погибельной повести о падении Царьграда.

Точка зрения Филофея вовсе не была только русской точкой зрения. Первосвятитель греческой церкви, константинопольский патриарх, утверждая венчание на царство Грозного, называет его в грамоте «надеждою и упованием всех родов христианских, которых он избавит от варварской тяготы и горькой работы». В конце XVI в. патриарх Иеремия говорил царю Феодору: «Вся благочестивыя в твое царствие воедино собращася; и ты един под небесем христианский царь именуешия во вселенней во всех христианах. Этими утверждениями устанавливалось только одно: что святая Русь преп. Сергия наследовала святой град Софии, но этим нисколько не канонизировалась и не причислялась к лику святых вся московская Русь в целом. Та же русская повесть, почитая, как было уже указано, Магомета II справедливым и правосудным властителем, не затрудняется привести слова некоего латинянина о русской земле: «велика милость Божия в земле их, но если бы к той вере христианской да правда турецкая была, с ними бы ангелы беседовали».

Град Софии – Церковь, а православная Русь была призвана к трудной работе Господней – для видимой Церкви: это было ясно одинаково религиозному сознанию русскому, греческому, южно-славянскому и даже грузинскому. Не менее ясно было и то, что работа эта может быть совершена во благо лишь в чистоте и правоте, «с великим опасением», как учил старец Филофей.

Это глубокое сознание христианских задач православной Руси подвело религиозную православную мысль Греции, Руси и всего православного Востока к апокалипсическим вопрошаниям; работая для Софии, в Софии и во имя Софии невидимой, не освободит ли Русь и ту

видимую Софию, которая, как душа в сетях греха, находилась в плену у лжеверия? Творя работу Господню и «православно величая» – по церковному песнопению – Господа, не дойдет ли Русь в своем пути и до стен Влахернских?

Религиозное сознание всего христианского Востока отвечало утвердительно на эти вопросы, предрешая их силою надежды и веры.

Участник обороны Царьграда Георгий Франтца (Φραντζής), в своей «Хронике», описав ужасы падения Царьграда и оплакав его, вспоминает о древнем пророчестве Льва Мудрого: пусть завоеван Царьград – «но впоследствии русый народ (τὸ Εἰσὺν ἴένος) изгонит весь род Измаила согласно с предречениями людскими и божественными». Это пророчество было на устах у всех; оно повторялось в Греции в России, в Грузии; «русый народ» (τὸ Εἰσὺν ἴένος) – стали толковать как «русский народ». Грузинский летописец занес его в свою летопись: «русский народ, соединившись со всеми окружающими народами, восторжествует над измаильтянами». В русском «Цветнике» читаем: «И вечернии (западные народы) по морю и посуху войну составят, и Измаила победят. Но изчадие его царствует только и мало и кратко. Народ же Российский вкупе причастники всего Измаила победят, и Седмихолмный возьмут с прибытками. Тогда ж войну воздвигнут междуособную, ярящаяся даже до пятого часа». Война междуособная будет между русскими и «вечерними» до тех пор, пока не явится «муж чудный и сильный» и пока не признают его владыкой Седмихолмного. Этот «муж и владыка» будет угоден и любезен Богу²⁵.

Можно во много раз увеличить число выдержек из памятников древне-русской и поздне-византийской письменности, которые говорят все о том же: о том, что русские освободят пленную Софию. Древним преданием указывается и срок, когда это произойдет: это будет тогда, когда у турок будет султаном опять Магомет: Константин основал город, Константин его потерял – Магомет завоевал, Магомет и потеряет.

Еще замечательнее прямые исторические свидетельства об этой вере и убеждении христианского Востока в том, что Россия освободит Восток и Царьград от турок. Александрийский патриарх Иоаким говорил в Константинополе царскому послу Благому: «Ныне достиг я старости великой и не велит мне Бог видеть, как ему (московскому царю) Господь Бог подаст наследие царя Константина; а мы чаем того у Бога, что подаст ему, государю, Господь Бог наследие Константина царя в недолгое время. Я говорю тебе от книг Откровения Иоанна Богослова».

Паисий Лигарид указывал на существующее пророчество, что греков

освободит из турецкой неволи царь Алексей Михайлович. В 1647 г. силистрийский митрополит показывал в посольском приказе, что турки боятся не немцев, а московитов которые возьмут Царьград²⁶.

В то, что Царьград опять будет христианский верили всегда и сами завоеватели его – магометане.

Золотые ворота Константинополя были завалены по приказанию султана Магомета, ибо и он верил преданию, что чрез ворота, чрез которые победитель въехал в город, войдут и освободители св. Софии – христиане. В 1557 г. русский посол доносил царю Ивану такие ногайские речи: «Тако де и наши книги говорят, все де бессерманские государи русскому государю поработают».

В 1650 г. янинский митрополит сообщал в Москву, что один потурчившийся греченин говорил местным пашам: «уже наш срок отходит, что мы владеем... да и в книгах де о том писано, что от страны московския будет царем в Константинополе». В 1672 г. отправлен был послом в Константинополь Василий Даудов, который сообщал в статейном списке: «при нем, Василье, в Царе-граде, в великий пост, на третьей неделе, в среду, в большой мечети, что прежде была благочестивая церковь Софии Премудрости Божией, во время того, как турки чинили мольбище, слышен был страшный благовест. Прежде ударили трижды, а потом, помешкав мало, также ударили трижды и в третье потому ж; и на завтрее того дни, в четверг, был слышен благовест, а в пятницу по таковым же благовесте, слышно было литоргисование божественной литоргии греческим языком и иже херувимскую песнь ангельскими гласы воспеваема. И о том де чудеси учинилось ведомо в Адрианополе, и салтан де велел тое бывшую благочестивую церковь запечатать до светлаго Христова Воскресения, и велено смотреть, что на тот превеликий праздник проявится. Турцы же старые люди и ученые говорят и конечно чают, что тот знак от самого Бога к тому, что паки тому государству быть во благочестии»²⁷.

Старые религиозные турки погребались и погребаются доньне, по собственному желанию, в Скутари, на азиатской стороне Босфора, против Константинополя: они чувствовали себя временными обитателями Царьграда, его гостями, а не хозяевами – живя в чужой земле, хотели лежать в родной, в азиатской.

Общее – христианское и магометанское – убеждение сходится в том, что Царьград вновь станет градом Софии – и станет при посредстве Руси. Выйдя религиозно из Константинополя, Русь и придет в Константинополь. Приведенная ко Христу в св. Софии, она откроет вновь этот храм Христу;

впервые перекрестившись на крест св. Софии, она восстановит этот крест на купола, знаменующем небо.

Какою же силою и властью она совершит все это? Неужели может она сказать, что ею совершена работа Господня, принятая из слабеющих рук Византии, и, совершив эту работу, труд св. Софии, она может возвратить Софии, Премудрости Божией, ее Великую Церковь –

И своды древние Софии

В возобновленной Византии

Вновь осенит Христов алтарь?

Глава XI

Россия не может и не должна ни сказать, ни помыслить в сердце своем, что ею исполнена работа Господня – и, сказав или помыслив так, войти в опустошенный храм Софии; тогда она вошла бы в него так же, как тот, кто, войдя в храм иерусалимский, молился: «Боже, благодарю тебя, что я не такой, как все». Она должна войти туда с другой молитвой: «Боже, милостив буди мне грешному!»

Тот, кто сказал бы: я послужил св. Софии, я сделал работу св. Софии, тот сказал бы этим, что он и не начинал ее делать, ибо конец и завершение софийной работы в мире есть «новое небо и новая земля, в них же правда живет». (2Петр. 3:13).

Ни человеку, ни народу не дано знать, что́ им сделано из этой работы – работы преображения и просветления мира, – труда во имя св. Софии; ни одно из самых прекрасных дел человеческих не может быть представлено совершившим его в свидетельство своего очищения и просветления пред лицом Божиим; никакой перечень добрых дел человеческих и народных не может быть предъявлен, как оправдание человека и человечества пред Божеством, как свидетельство софийного роста мира; и тут, и в судьбе народов, единый вздох благоразумного разбойника может дать первенство в горнем мире перед соделавшими бессчетные и ведомые дела блага и любви. Благоразумным разбойником и мытарем может оказаться перед Богом не только отдельный человек, но и целый народ, – и как ведать! – быть может, все человечество, вся тварь.

«Бог и намерения целует», – утешал некогда человека и человечество служитель Софии Царьградской, св. Иоанн Златоуст.

Софийное делание и служение Руси не может быть исчислено, определено и взвешено – не может и не должно никем, кроме Бога и Премудрости Его. Быть может, ею не сделано ничего, быть может, многое; суд Божий будет равно прав и милостив в том и другом случае.

Русь поклонилась лику св. Софии в дни своего младенчества, она восприняла самое крещение свое под радостным благовестием апостола св. Софии, равноапостольного Константина–Кирилла, она – в подвиге своих иконописцев-простецов – выявила впервые в мире лик св. Софии Премудрости, она построила ей многие храмы и строила всюду, куда приходила сама, благовествуя о ней странам и языкам, она сложила богослужебные хвалы ее имени, она – в подвиге своих святых, иноков и праведников, в молитвах и трудах св. Сергия, св. Серафима и многих иных

– явила миру образ чистейшего бытия и благодатного пребывания в Софии, образ горняго жития в земной жизни, она – в завете быть Святой Русью – поставила пред собою святое стремление стать землей св. Софии, Градом Ее Невидимым.

Но была ли Русь рабом, получившим пять талантов и умножившим их до десяти, или рабом, получившим и возвратившим всего один талант? Быть может, подобно ему, она не растратила, но и не умножила своего таланта? Не знаем, ибо и все рабы были убеждены, что верно служили господину своему, пока не пришел господин и не сказал, кто был верный раб и кто раб лукавый. Господин еще не пришел и не произнес суда своего, и не можем знать, кто внидет в суд, а кто «в радость господина своего».

Самая полнота исполнения работы Господней и конечное завершение труда во имя св. Софии знаменовали бы наступление времени совершения апокалипсических сроков, заключение мировой истории тем временем, когда откроется всем, что «времени больше не будет». Недаром, по мудрому народному преданию, окончательное водружение креста на св. Софии, слава которого будет видна отовсюду и всем народам всего мира, совпадет с последним временем, открывающим суд Божий над миром. Ведая это, нам должно повторять лишь одно: «Ей, гряди скоро!»

Но есть одно, что мы должны и можем знать, размышляя о судьбах св. Софии – храма и судьбах того народа, который, по голосу веков должен вернуть этому храму значение храма. Это то, что совершить сие может только народ православный.

Мы видели, как сознание умиравшей Византии, православной Грузии, стонавшего под игом полумесяца, южного славянства и сознание самой древней Руси одинаково связывали судьбу Царьграда и Софии с судьбой Руси, а судьбу Руси – с судьбой православия на земле. Сознание этой связи звучит и в великих словах Достоевского: «Не один великолепный порт, не одна только дорога в моря и океаны связывают Россию столь тесно с решением судеб рокового (восточного) вопроса, и даже не объединение и возрождение славян. Задача наша глубже, безмерно глубже. Мы, Россия, действительно необходимы и неминуемы и для всего восточного христианства и для всей судьбы будущего православия на земле, для единения его».

Россия подходит к Константинополю, как православная Россия: только православной она и может отвалить заваленные Золотые Ворота и войти в храм св. Софии, ибо православный храм ждал православную страну – донесет ли она свое православие чистым и святым до стен Софии,

свершив долгий, многовековой, тяжкий путь истории. Она донесла его, падая на своем пути, поднимаясь, вновь падая и вновь поднимаясь.

В древности был народ, обладавший храмом, о котором воскликнул строитель Софии: «Я превзошел тебя, Соломон!» Этот народ был избран на безмерно-великое вселенское служение – на то, чтоб послужить средой воплощения сына Божия. Не праведность этого народа – он часто творил великие исторические и лично – человеческие неправды, – не доброта – пророки звали его жестоковыйным народом, – не мудрость этого народа – он бывал часто безумнее всех других народов, – не сила и мощь – он был мал и беден, – даже не чистота жизни этого народа, – ибо он творил часто мерзости пред Богом и людьми, – сделали его избранным народом, вручили ему великое дело, но вера, единая вера, правость этой веры, преданность единобожию, точность исповедания Единого Бога: он верно исповедывал истинного Бога и служил ему пред всеми народами, – только это одно сделало его избранным народом. Если он верно и безсомненно исповедывал Бога, он не мог никогда окончательно отпасть от него, как бы жизнью, делом, поступками ни отклонялся часто на пути лукавствия.

Россия, пока она православная Россия, может быть хуже, грешнее всех других народов: по истории, по быту, по жизни своей она может стоять ниже всех народов, и пусть не только может стоять, но даже стоит – как православная Россия, она выше их всех по вере своей, ибо в этом и самом важном ее путь прямее их пути перед Богом. Самый факт правого богочитания определял избранничество древне-иудейского народа; самый факт православия России – не то, что у ней русское православие, а то, что она православная Россия, – самый факт этот объясняет все: почему ей предречено войти в храм св. Софии, чтобы внести в нее св. престол, и возобновить службу св. Софии – войти во главе исповедающих православие²⁸.

Это звучит непомерной гордыней лишь для слуха тех, кому истина православия представляется лишь одной из истин, равноправной с несколькими другими, для огромного же большинства русского народа это не звучит гордыней, ибо для него православие – не истина из истин, а единая и всеполная истина веры.

В древнем Патерике есть сказание. К одному старцу-пустыннику пришел человек, желавший его испытать, и спросил старца: «Ты чревоугодник?» – Да, ответил старец. – «Ты тать?» – Да, ответил старец. – «Ты завистник и корыстолюбец?» – Да, ответил старец. – «Ты человеконенавистник?» – Да, сказал и на это старец. – «Ты еретик?» – «Нет», ответил старец. – Когда же его спросили, почему на все обвинения

он отвечал: «да», а на это одно: «нет», – он сказал: «Во всем том повинен и грешен я помыслом, словом или делом, но если б я сказал: «да» на последнее вопрошание, я отступился бы от Бога моего, а я не хочу этого

Так и Русь, пока она православная Русь.

«Ты нерадивица и ленивица?» – «Да», должна отвечать она в полном смирении и сознании своей причастности греху. – «Ты чревоугодница и пьяница?» – Да, должна сказать она. – «Ты ревнительница легкаго и сладкаго жития?» – Да, и на это должна отвечать она. – «Ты человеконенавистница?» – Да, должна сказать она. – «Ты еретица?» – Нет, ответить она на это, перекрестясь: – «я не хочу и на минуту отступить от Бога моего».

В этом «нет» – ее счастье, ее преимущество пред другими народами, ее спасенье, ее право войти первой «под воды древней Софии».

Но, скажут, во всем этом заложена уже великая мера гордости. Если это так, то без этой гордости нет и православия, нет даже самого слова «православие», ибо оно означает Церковь «право славящую» Господа, – и потому православную, – и тогда благословенна эта гордость. Именно этою гордостью гордится православная Церковь, когда одна только в мире осмеливается петь за преждеосвященной литургией: «Ныне силы небесныя с нами невидимо служат»! Отступившись от этой гордости, русская Церковь и с нею Россия отпадут от бытия в Софии, т. е. от истинного бытия. Будучи в православии, Русь при всех своих тайных и явных грехах не в небытии, ибо, пребывая в Церкви она пребывает в Софии – для нее не истреблена тогда возможность самого полного обновления и преображения, ибо для нее действительно тогда апостольское обетование о Христе, «омывающем Церковь банею водною», да предстанет она «славной Церковью», «не имущей скверны». Будучи в православии, Русь в литургии постоянно переживает образ софийного бытия, приближающего к Божественному Логосу – Христу; литургийно ведая образ Софийного бытия, она не устанет томиться по его вселенскому осуществлению, не устанет желать «новой земли и новаго неба».

Известное сказание передает, что в Великой Церкви Софии шла литургия в то время, когда турки вторглись в Царьград чрез пролом стены. Ворвавшись в храм, турки избивали молящихся, не хотевших прервать молитвы. Избив все множество людей от задних до передних рядов, турки добрались до алтарного амвона тогда, когда иерей возносил св. потир и хотели броситься на служителя тела Господня. Но, по молитве его, расступились стены Софии и скрыли его вместе с св. дарами. Благочестивые люди слышат и донныне его тихие возгласы там, в глубокой

толще софийских стен. Когда крест водрузится вновь на св. Софии, иерей выйдет из стен и dokonчит прерванную литургию.

Кто же будет верными причастниками ее, кто может с той же верой и тем же исповеданием, как сам служащий иерей, преклонить колена пред св. дарами? – пасть ниц при возгласе: «Всегда, ныне и присно и во веки веков!»?

Для нас, русских, история св. Софии началась с литургии, которую слушали в ней Владимировы послы, прервалась на литургии, прерванной турками – и продолжится литургией вновь воссиявшего потира.

Только православный Восток, прежде всего православная Россия, может – с полным единоверием и единомыслием исповедания – со страхом Божиим и верою приступить к Дарам, вознесенным иереем царьградским; для всех других невозможно это, ибо то – православная обедня, православное причащение за литургией, составленной другим православным иереем св. Софии – св. Иоанном Златоустом.

Православная Русь может с полной свободой сознания, чувства и воли ответить на благодарственную заамвонную молитву иерея Софии: аминь.

В этом – наше единственное, но безмерное право войти в св. Софию и ее город, в этом – ответ, почему не лживы предчувствия стольких веков и надежды стольких поколений.

Православная Русь, православно чтущая св. Софию, войдет в храм св. Софии, – великий вселенский православный храм.

О, Русь, велик грядущий день – Вселенский день и православный!

Пасха 1915 г.

Николаевск-Уральский.

Примечания

¹ - Свящ. П. Флоренский. «Столп и утверждение истины. Опыт православной Феодицеи.» М. 1914 г., стр. 428 и 784.

² - И. Н. Жданов. «Повести о Вавилоне и сказание о князех владимирских», в исследовании: «Русский былевой эпос». Петроград, 1895 г.

³ - «Путешествие новгородскаго архиепископа Антония в Царьград в конце 12-столетия.» С предисл. и примеч. П. Савваитова. Петроград 1872 г., стр. 55. Все дальнейшие ссылки – по этому же изданию. – Характеризуя «Хождение» архиеп. Антония, Срезневский пишет: «Оно драгоценно даже и при сравнении с византийскими известиями»; оно содержит «богатое собрание данных, важных для изучения этого (Софийскаго) храма перед падением его во власть латынян». (И. И. Срезневский. «Св. София Цареградская по описанию русс. паломника конца XII в.» в «Трудах III археолог, съезда в Киеве 1874 г.», т. I, стр. 95–109).

⁴ - В настоящей работе не может быть дано сколько-нибудь обстоятельного изложения даже одних лишь основ православного учения о св. Софии, в виду бесконечной сложности и важности предмета. За таким изложением учения о св. Софии, сделанным с исключительной силой и исключительной же глубиной богословской и философской мысли, автор отсылает читателя к труду свящ. П. А. Флоренского «Столп и утверждение истины. Опыт православной Феодицеи в 12 письмах» М. 1914 г., десятое письмо которого «София» (стр. 319–392) должно отныне стать вехой, указывающей путь к истинному пониманию христианского, православного, учения о св. Софии. – В примечаниях к этой части книги о Флоренского (стр. 751–779) дана подробная библиография вопроса и ряд отдельных экскурсов философского, богословского и исторического характера в ту же область.

⁵ - «Сказание о св. Софии Цареградской.» По рукописи исх. 14 века. Сообщ. архим. Леонид. «Памятники древней письменности», LXXVIII. Петроград 1889 г. Все ссылки сделаны на это издание. – О «Сказании» см.: С. Вилинский. «Византийско-Славянския сказания о создании храма Св. Софии Цареградской» в «Летописи Истор. Филолог. Общ. при Импер. Новорос. Универс. Вып. VIII, т. V. 1900 г.», стр. 227–336; его же: «Сказание о Софии Царегр. в Еллинском летописце и в хронографе», в «Извест. Отдел. рус. языка и словесн. Импер. Акад. Наук». 1903 г., т. VIII,

кн. 3. – Th. Preger. Die Erzählung vom Bau der Hagia Sophia, в «Byz. Zeitscher., X, 1901 г. и введение к «Scriptores originum Constantinopolitarum. Lipsiae. 1906 г.“ – Сказание возникло не позже половины IX в.; первоначальный труд не известн. автора вошел в труд другого анонима, приписываемый Кодину; в царствование Алексия Комнина (1081–1118 г.) «Сказание» вновь было переделано. В Болгарии Сказание было известно уже в X в. В русской письменности оно встречается и в виде отдельного памятника, и входит в состав так наз. «Еллинского летописца» и “Хронографа”. Предания, вошедшие в состав «Сказания», были известны архиеп. Антонию – паломнику еще в конце XI века. Прямое влияние «Сказания» сказалось впоследствии, в «Службе и каноне св. Софии премудрости Божией.”

⁶ - «Служба Софии Премудрости Божии.“ Издал свящ. П. Флоренский. Св.-Троицкая Сергиева Лавра. Лета #аѡѡї. Все цитаты из службы и канона св. Софии сделаны по этому изданию.

⁷ - И. Сахаров. «Сказания русского народа”, том II, Петроград. 1849 г., кн. VIII.

⁸ - Повой – головной убор; калиги (καλίκυοι) – обувь.

⁹ - Не подлежит сомнению восточное происхождение сказания о св. Грале. Древнейшая литературная обработка сказания о св. Грале на Западе принадлежит французскому писателю конца XII в. – Кретьену из Труа́. (Chrestien de Troyes) в его «Perceval” или «Conte de Graal” (1175 г.), но здесь – лишь глухое упоминание о каком-то таинственном блюде (graal). После Кретьена, писали о Грале Gaucher de Dourdan, Manessier, Gelbert de Montreuil и др., Граль в ясном значении св. чаши Иосифа Аримафейского впервые встречается у Роберта де Барона (XIII в.). Доселе не выяснено, какое значение имело почитание св. Граля во многих рыцарских орденах и мистических сообществах Запада, несомненно лишь одно: что почитание св. Граля ни в какой форме не признавалось католической церковью и совершалось если не всегда против церкви, то всегда вне ее. – См. Н. Дашкевич. Сказание о св. Грале. Киев 1877 г. – Heinzl Ueber die französischen Gralromane, Wien. 1892 г. О восточном происхождении сказания о св. Грале и о дальнейшей его истории см. замечательные исследования А-дра Н. Веселовского: «Сказания о Вавилоне, Скинии и Грале. Где сложилась легенда о св. Грале?” «Известия Имп. Акад. Наук”, V т. кн. 2., стр. 393. – К вопросу о родине легенды о св. Грале. «Журн. Мин. Нар. Прос.” 1904 г. № 2, стр. 395–453. – «Сказания о Вавилоне, Скинии и св. Грале.” в «Извест. Отдел. рус. языка и слов. Имп.

Ак. Н.“, 1896 г., т. I, кн. 4, стр. 647–944 и 1005–1008. – «Алатырь” в местн. преданиях Палестины и легенды о св. Грале. «Разыск. в обл. рус. духов. стихов“, III. Петроград 1883 г.

¹⁰ - А. Н. Петров. Апокрифическое пророчество Царя Соломона о Христе, находящ. в простран, житии св. Константина Философа. По списку XIII в. «Памяти, древн. письм. CIV. “ Петрогр. 1894 г. См. также: А-др Веселовский. Сказ. о Вавилоне, в «Изв. Отд. рус. яз. и слов”, 96 г., т. I, кн. 4; на стр. 687–8 соображения о «преобразовательной связи Соломона с историей крестнаго древа“. Граль хранился некогда в Соломоновом храме, в ковчеге Завета. Хранители его были священники и в то же время цари. По восточному сказанию, из храма Граль переносится в храм же: из Соломонова храма – в Юстинианов; хранимый прежде в ковчеге Завета ветхого, ныне хранится на престоле Завета нового. – В описании Иерусалима, составленном анонимом в IV в., читаем: «входим в святилище базилики св. Константина, где находится... та чаша, которую благословил Господь и дал ученикам своим пить. («Палестинс. сборн.“, вып. 7, стр. 95–96). От XIII века, когда на Западе впервые лишь у де Борона создается произведение, в котором Граль является впервые для Запада чашей Христа, до нас дошел уже целый русский памятник, повествующий о том же.

¹¹ - Свящ. П. Флоренский. «Столп и утверждение истины», стр. 772–774.

¹² - А. Н. Петров. «Апокрифич. пророчество царя Соломона о Христе», стр. 7.

¹³ - В. И. Ламанский. «Славянское житие св. Кирилла, как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник.» «Журн. Мин. Нар. Прос.», 1904 г., № 1, стр. 165. – Данными в пользу утверждения Кириллова апостольства на Руси, Ламанский считает: 1) свидетельство мниха Храбра о 855 г., как годе появления славянс. азбуки и слав. богослужебн. книг, 2) свид-во патр. Фотия о крещении Руси и о назначении руссам епископа вскоре после отступления Руси из Царьграда (при Аскольде), 3) новонайденные (Кюмоном) известия о нашествии Киевск. Руси на Царьград в 860 г., 4) полнейшее умолчание натр. Фотием о хазарской миссии и епископе, 5) факт посылания Фотием Кирилла с Мефодием в северскую страну, «где он и крестил 200 душ простой чади.“ «Новая русская церковь и новый порядок вещей на севере появились еще за 120 слишком лет до крещения Владимира и до отправления из Константинополя в Русь митроп. Михаила: первый для Руси епископ был

поставлен еще патр. Фотием. Новыми же русская церковь и порядок вещей на севере с крещения Владимира могут быть названы лишь в том смысле, что при нем впервые на Руси представитель верховной власти и тогдашний ее официал. мир не только присоединились к христ-ву, но и стали принуждать и обязывать к нему все языческое население“ (167 стр.). «При первом крещении Руси (в 861 г.) были принесены к нам и славянское письмо и славянское богослужение“ (165 стр.).

¹⁴ - И. Срезневский, обследовав все известные ему сказания западных писателей о св. Софии с VII по XII век, говорит: Почти все эти писатели упоминают о Софийском храме, хваля его общими словами; ни один не описал. Даже из тех людей, к-ые явились в Царьграде с войсками, покорившими его, почти ни один не остановился в своих записках на св. Софии отдельно; припоминали о ней только случайно”. Противоположностью этим западным свидетельствам о св. Софии является «Хождение» нашего Антония: «припоминая его содержание и сравнив с западными, нельзя не сказать, что оно есть самое богатое данными, самое внимательное к тому, чем мог дорожить в Соф. храме средневековый паломник, не в одном описании нет стольких драгоценных подробностей всякого рода, ск. мы находим в сказании рус. паломника“. (Срезневский, св. София Цареграда. в «Трудах арх. съезда», т. I, 53–93 стр.) Об отношении крестоносцев к Софии и Цареграду приведу только слова нашего известного византолога, Ф. И. Успенского («Как возник и развился в России восточный вопрос. Петроград 1887 г., стр. 11): «Я должен признать, что турки в 1453 г. поступили с большею мягкостью и гуманностью, чем крестоносцы, взявшие К-ль в 1204 г.; последние уж подлинно не давали пощады ни божескому, ни человеческому».

¹⁵ - Известные западные изображения Софии – напр., в латинск. Библии XII века (№ 11, в парижс. национ. библ.), в парижской псалтыри, на миниатюре, изображающей царя Давида с двумя женскими фигурами Мудрости и Пророчества (у Didron’a: «Iconographie chrétienne. Histoire de Dieu.“ Paris, 1843 г.) – суть только олицетворения отвлеченного понятия мудрости.

¹⁶ - Н. В. Покровский. «Церковно-Археологич. Музей Петрогр. Духовн. Акад.» Петр. 1909 г., 137 стр. – Византия, не создав целостного образа св. Софии, способного, – подобно новгородским, например, изображением Софии, – выразить иконографически всю сложность, глубину и многогранность православного учения о св. Софии, создала элементы и отдельные части такого изображения. Такими частями,

привходящими в русское изображение св. Софии, должно считать и известные изображения – ангела в катакомбном храме близ Александрии (Айналов и Редин. «Киево-Соф. собор.» Петроград 1889 г., 10–24 стр.), относящееся к VI в.; – изображение ангела в белых одеждах в церкви св. Стефана в Сполетто (Н. Покровский. «Византийское искусство в южн. Италии.» «Христ. чтение», 1895 г., II, 377–78), относящ. к XIV в., и нек. др. – Из литературы по византийской и русской иконографии св. Софии: А. И. Успенский. Переводы с древних икон, собранные В. Гурьяновым. М. 1902 г., стр. 30–45 (обзор мнений и памятников). – Указанное выше сочин. Покровского. – Г. Д. Филимонов. Очерки русск. христ. иконографии. «София Премудрость Божия.» «Вести. Общ. др.-русск. иск.» М. 1874 г., № 1–3. – Н. Покровский. «Евангелие в памятниках иконографии.» Петр. 1892.

¹⁷ - Вл. А. Кожевников. «Северно-русские думы и впечатления.» «Русск. Вестник» 1899 г., № 10, стр. 480–81.

¹⁸ - «Повесть о Царьграде. Сообщ. архим. Леонид. Петр. 1886 г. «Памят. древн. письм.» – Уже в XII в. существовало в Византии сказание о Вавилоне; оно «явилось эпическим ответом на вопросы о происхождении загадочных пророчеств о судьбе Византии, в которых чередовались имена Даниила и Льва Мудраго»; в связи с ним находится русская повесть о Вавилоне. Царь Лев берет, по словам повести, «знамение» из Вавилона от гроба пророка Даниила; на этом «знамении» написаны имена всех греческих царей, пока стоит Константинополь. (А-р Веселовский. Древне-рус. повести о Вавилоне. «Записки Акад. Наук», т. 45, стр. 9–14). Об этом «знамении» знал уже в конце XII в. наш архиеп. Антоний. (Путешествие в Царьград, стр. 68–69). – «У греков. – говорит Ф. И. Успенский («Как возник восточн. вопрос», Петроград 1887 г., стр. 17–18) – распространен был цикл сказаний, имеющих отношение к будущим судьбам империи. Эти сказания сохранились в виде загадок, ямбических стихов, видений благочестивых мужей и разн. рода предсказаний. Они пользовались значит. доверием, переписывались и тщательно хранились не только частными лицами, но и правительством. В трудные годы было в обычае обращаться к ним за советами и указаниями ...В X в. пророчества применялись то к арабам, то в славянам, в XII в. к норманнам и крестоносцам, в XIV и XV в. к туркам.» Эти памятники эсхатологического характера широко проникали и на Русь, и были известны ей задолго до падения Царьграда. «Книга Льва премудраго» вошла даже (в XV в.) в официальную нашу «Степенную книгу.»

¹⁹ - Сочинения, М. 1861 г., т. I, стр. 218 и след.

²⁰ - Везде цитир. по указ, изданию архим. Леонида. «Повесть о Царьграде», приписываемая Нестору Искандеру, будучи греческого происхождения, очень скоро вошла в круг южнославянской и русской письменности. Многие подробности осады Константинополя и его падения, встречающиеся в ней, находят себе подтверждение в сообщениях очевидцев и современников: Франтцы, Дуки, Леонарда Хиосского и др. «Повесть» вошла в Воскресенскую летопись («Полн. собр. рус. лет.» Петр. 1859 г., т. VIII, стр. 125–144.) Все повествователи об осаде К-ля (Франтца и др.) неизменно вспоминают, подобно «Повести», о предсказаниях и пророчествах, прежде сделанных о судьбе Царьграда. См.: Срезневский. «Повесть о Царьграде.» «Зал. II отд. Акад. Н.» 1855, I. М. Стасюлевич. «Осада и взятие К-ля турками», там же. Погодин. «Обзор источн. по ист. осады Византии.» «Журн. Мин. Н. Пр.» 1887 г., II. Сказания о Царьграде по древн. рукописям, под ред. В. Яковлева. Петр. 1868 г.

²¹ - «Никоновская летопись, в полн. собр. рус. лет.», т. V, стр. 231–77.

²² - П. Ф. Каптерев. «Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII ст.» 2 изд. Петр. 1914 г., стр. 7.

²³ - И. Н. Жданов, указ, сочин.

²⁴ - В. Малинин. «Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания.» Киев 1901 г., стр. 369 и след.

²⁵ - Срезневский. «Повесть о Царьграде.» «Зал. II отд. Акад. Н.», 1855 г., I.

²⁶ - П. Каптерев, указ, соч., стр. 350–352.

²⁷ - Там же, стр. 352–3. «Турецкия легенды, – говорит Вилинский («Визант.-слав. сказания о св. Софии», в «Летоп. Ист.-филол. Общ. при Новорос. унив.», вып. VIII, т. V), – сохранили значит, долю связанных с храмом св. Софии христианских преданий. Турки – магометане приходили в Константинополь до взятия его, чтобы посмотреть и подивиться чудесам храма“. См. Смирнов, В. Д.: «Турецкия легенды о св. Софии.» Петр. 1898 г.

²⁸ - Россия должна войти в храм св. Софии во главе православных народов, как страна, которой, после падения Царьграда, в течение долгих веков суждено было стоять на страже православия, принимая на себя наносимые с многих сторон, вещественные и невещественные удары недругов православия, – как страна, больше других послужившая православно умом, чувством и волей за последние полтысячи лет его существования. Неоспоримо, что в течение этого долгого периода, не Греция и не другая какая-либо страна Востока, а именно Россия являлась центром действенного бытия православия, где создавались новые ценности

православного сознания, где наиболее действительно проявлялись все стороны православной жизни и учения. В предшествовавшие полтысячи лет такое же положение по отношению к православию, как ныне Россия, занимала Греция. Неоспоримо, наконец, что с Россией, с деятельностью ее Церкви, науки, школы, искусства, с деятельностью ее православного разума, воли и чувства, с жизнью ее православного духа, – связаны судьбы православия в мире в переживаемую эпоху. За одно истекшее столетие – на разных ступенях и степенях православного служения – у нее были св. Серафим Саровский, Лев, Макарий и Амвросий Оптинские, еписк. Феофан Затворник, еп. Игнатий Брянчанинов, митр. Филарет Московский, старец Парфений Киевский и мн. др. – на ступенях духовного подвига; Хомяков, И. Киреевский, Ю. Самарин, К. Леонтьев, Вл. Соловьев, Гоголь, Достоевский, Н. Федоров, архим. Ф. Бухарев – в области религиозной мысли; Тютчев, Достоевский, Лесков, А. Иванов, Нестеров, В. Васнецов, – в области религ. искусства. По русской мысли, русскому искусству, по русскому духовному деланию ныне судит весь мир о православии; худыли, хороши ли эти мысли, искусство, делание, – но они свидетельствуют непререкаемо о доле русского участия в мировой православной работе. Именно эта доля и заставляет видеть Россию во главе православных народов. На право же войти первой в Софийский, а не какой-либо иной храм, у России есть и еще бо́льшие основания – их обнаружению посвящена вся настоящая книга. Их не трудно выразить с полной определенностью: став прямой, деятельной и единственной наследницей, продолжательницей и углубительницей софийного дела Византии, Русь тем самым получила прямое право войти первой и в храм Софии – сугубо посвященный этому делу.

Содержание

Град Софии. Царьград и Святая София в русском народном религиозном сознании С. Дурылин	1
Глава I	2
Глава II	6
Глава III	9
Глава IV	12
Глава V	16
Глава VI	19
Глава VII	23
Глава VIII	29
Глава IX	34
Глава X	39
Глава XI	46
Примечания	51